

Владимир Шигин

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

Владимир Виленович Шигин
Неизвестная война императора Николая I
Серия «От Руси к империи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17105224
Неизвестная война императора Николая I / Владимир Шигин: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-7951-3

Аннотация

Новая книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина «Неизвестная война императора Николая I» посвящена драматическим событиям, происходившим на российском Черноморском флоте в 20—30-х годах XIX века. Почти двести лет эти события были сокрыты непроницаемой завесой тайны. Собрал и обобщив редкие архивные материалы, свидетельства современников, автору книги впервые удалось воссоздать полную и правдивую картину тех давних событий, раскрыть причину смерти легендарного командира брига «Меркурий» А.И. Казарского, ответить на многие загадки отечественной истории.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	38
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Шигин

Неизвестная война императора Николая I

Ты кончил жизни путь, герой!

Теперь твоя начнется слава...

Д. Байрон

Если вам доведется побывать в Севастополе, найдите время и поднимитесь на Матросский бульвар. Постоите у памятника, увенчанного античной триерой. Вспомните о том, в честь кого он поставлен. Право, он стоит нашей памяти!

...Матросский бульвар – место, почитаемое в Севастополе особо. Сегодня он почти всегда малолюден. Горожане и гости города предпочитают ему более шумные места. На Матросском же всегда тишина и покой...

Бульвар в иные времена звался иначе – Мичманским или, по-местному, Малым. Он и вправду мал. По существу, это всего лишь одна тенистая аллея на склоне Городского холма. На Матросском бульваре всегда хорошо посидеть одному и не спеша подумать о чем-нибудь несуетном и вечном.

Однако когда-то именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, бился пульс местной светской жизни: гремела медь оркестров, завязывались знакомства и начинались романы, рассказывались столичные новости и обсуждались вопросы высокой политики. Здесь было излюбленное место отдыха многих поколений черноморских офицеров. Вспомним хотя бы «Севастопольские рассказы» Льва Толстого: «В осажденном Севастополе, на бульваре, около павильона играла музыка и толпы веселого народа, и женщин празднично двигались по дорожкам».

На Мичманском (ныне Матросском) бульваре бывали, наверное, все севастопольские герои. А потому неудивительно, что именно здесь был поставлен первый памятник города, и поставлен одному из первых его героев...

...Усеченную каменную пирамиду венчает древняя медная галера. Ниже ее – барельефы богини победы Ники и Меркурия... Надпись на камне предельно лаконична и значима: «Потомству в пример!»

Что же совершил офицер, подвиг которого стал примером для потомков? Всё ли мы знаем о жизненном пути этого мужественного человека?

Часть первая Герои и подвиги

Глава первая Подвиг, который потряс мир

Русско-турецкая война 1828–1829 годов уже близилась к победоносному концу, когда три русских судна – 44-пушечный фрегат «Штандарт» (командир капитан-лейтенант П.Я. Сахновский), 20-пушечный бриг «Орфей» (командир капитан-лейтенант Е.И. Колтовский) и 20-пушечный бриг «Меркурий» (командир капитан-лейтенант А.И. Казарский) – получили приказ крейсировать у выхода из пролива Босфор. Общее командование отрядом было возложено на капитан-лейтенанта Сахновского. 12 (24) мая 1829 года корабли снялись с якоря и взяли курс к Босфору.

На рассвете 14 (26) мая в 13 милях от пролива отряд заметил турецкую эскадру, в числе 14 судов шедшую от берегов Анатолии. Сахновскому очень хотелось поближе разглядеть противника, чтобы определить, с какими силами на этот раз вышел в Черное море капудан-паша. На фалах «Штандарта» затрепетал сигнал: «“Меркурию” – лечь в дрейф». Сахновский оберегал самый тихоходный корабль своего отряда. Сосчитав турецкие вымпелы, «Штандарт» и «Орфей» повернули назад. Обычно турки не слишком стремились гоняться за разведчиками, обходясь тем, что отгоняли их легкими судами. Но на этот раз все вышло иначе. Практически вся неприятельская эскадра устремила в погоню за нашими судами. Причины столь необычного поведения турок станут известны несколько позднее. Увидев возвращающихся разведчиков, Казарский, быстро оценив ситуацию, самостоятельно приказал сниматься с дрейфа и поднимать паруса. Очень скоро быстроходный «Штандарт» поравнялся с «Меркурием». На его мачте взвился новый сигнал: «Избрать каждому курс, каким судно имеет преимущественный ход». Этим Сахновский снимал с себя ответственность за последствия погони. Отныне каждое судно было предоставлено само себе. Казарский избрал NNW; «Штандарт» и «Орфей», взяв курс NW, резко вырвались вперед и быстро превратились в два пушистых облачка на горизонте. Честно говоря, поведение Сахновского мне кажется не слишком офицерским. По существу, тихоходный «Меркурий» был брошен на произвол судьбы и почти обречен. Разумеется, командиру «Штандарта» было важно известить командующего о выходе турок, но для этого хватило бы и одного судна, а второе могло поддержать «Меркурий» – ведь вдвоем всегда легче драться, чем одному. Разумеется, на войне всегда превалирует целесообразность, и все же. Впрочем, как случилось, так случилось.

Тем временем за кормой «Меркурия», который нес все возможные паруса, неумолимо вырастал лес мачт турецких кораблей. Ветер был WSW; неприятель шел строго на север. Лучшие турецкие ходоки – 110-пушечный «Селимие» под флагом капудан-паши и 74-пушечный «Реал-бей» под флагом младшего флагмана – постепенно настигали «Меркурий». Вся остальная турецкая эскадра поначалу также участвовала в погоне, но затем легла в дрейф, ожидая, когда адмиралы захватят или сожгут маленький русский бриг. Шансы на спасение у «Меркурия» были ничтожны – 184 пушки против 20, даже не принимая во внимание калибры орудий!

Около двух часов дня ветер стих, и ход преследующих кораблей уменьшился. Пользуясь этим обстоятельством, Казарский, используя весла брига, предпринял попытку увеличить дистанцию до противника. Поначалу это ему удалось, но через полчаса ветер снова

посвежел, и турецкие корабли стали снова приближаться. В исходе третьего часа дня, выйдя на дистанцию стрельбы, турки открыли огонь из погонных пушек. Превосходство неприятеля было более чем тридцатикратное!

Понимая, что надежд на отрыв нет никаких и впереди неравный бой, командир брига капитан-лейтенант Казарский наскоро собрал офицерский совет. По давней воинской традиции первым имел привилегию высказать свое мнение младший по чину.

– Нам уже не уйти, – взял слово поручик корпуса флотских штурманов Прокофьев. – Следует драться. При этом «Меркурий» не должен достаться врагу, а потому последний из оставшихся в живых должен будет взорвать его на воздух.

Все остальные офицеры были того же мнения. Затем Казарский в нескольких словах (на большее уже не было времени) объяснил нижним чинам, чего ожидает от них государь и что затронута честь императорского флага, и, к своему удовольствию, нашел в людях те же чувства, как и в офицерах: все единогласно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге. Сообщение командира о скором бое криками «ура» встретила и команда. Получив согласие команды на сражение, командир приказал открыть огонь из ретирадных орудий. Одновременно на глазах у всех Казарский положил заряженный пистолет на шпиль перед входом в крюйт-камеру.

Позже в своём донесении адмиралу Грейгу Казарский писал: «...Мы единодушно решили драться до последней крайности, и если будет сбит рангоут или в трюме вода прибудет до невозможности откачиваться, то, свалившись с каким-нибудь кораблем, тот, кто еще в живых из офицеров, выстрелом из пистолета должен зажечь крюйт-камеру».

Между тем турецкие корабли уже почти нагоняли бриг, пытаясь подвернуть к нему бортами. Спускаясь под корму брига, открыли по нему стрельбу ядрами, книппелями и брандскугелями.

Было 2 часа 30 минут, когда турецкие снаряды начали попадать в паруса и такелаж «Меркурия», а один попал в весла, выбив гребцов с банок. В это время Казарский стоял на юте, наблюдая за развитием ситуации и не разрешая стрелять, чтобы не тратить напрасно заряды, чем вызвал замешательство команды. Видя это, он немедленно успокоил матросов, сказав:

– Что вы, ребята? Ничего, пускай пугают – они везут нам Георгии!

Через несколько минут он приказал открыть ретирадные порты и сам, вместе с другими офицерами, чтобы не убирать весла и не отвлекать матросов от работы, сделал первый выстрел из ретирадного орудия. Первым «Меркурий» атаковал вырвавшийся вперед 110-пушечный «Селимие». Турецкий корабль пытался зайти в корму брига, с тем чтобы единственным продольным залпом решить исход боя. Лишь тогда Казарский пробил боевую тревогу. Одновременно, грамотно сманеврировав, Казарский вывел «Меркурий» от всесокрушающих бортовых залпов противника. При этом он принял решение бить не в корпус турецких кораблей, а в такелаж. При пальбе в корпус наносился большой вред живой силе, при пальбе в такелаж можно было надеяться на повреждения в рангоуте и такелаже, что сразу лишило бы турок маневра. В этом был не большой, но шанс, и Казарский совершенно правильно решил им воспользоваться. Переведя турецкий флагман на кормовые курсовые углы, Казарский энергично подвернул веслами бриг и сам дал ответный залп правым бортом. Бой начался. Теперь вся надежда была на артиллеристов, а потому командир «Меркурия» сразу отказался и от залповой стрельбы, при которой точность попаданий была ниже, чем при индивидуальной. Теперь ему надлежало вертеться на бриге так, чтобы ни в коем случае не подставить его под бортовой залп, который мог стать для брига первым и последним, да надеяться на своих артиллеристов.

Через несколько минут к левому борту «Меркурия» подошел двухдечный «Реал-бей», и русский бриг оказался почти зажатым между двумя вражескими кораблями. С «Селимие»

уже кричали по-русски: «Сдавайся, убирай паруса!» В ответ на это на бриге с громогласным «ура» открыли огонь из всех орудий и ружей. В результате туркам пришлось убрать с марсов и реев уже готовые abordажные команды. Помимо ядер в бриг летели книппели и брандсугели. Тем не менее мачты оставались невредимыми и «Меркурий» сохранял подвижность. Одновременно Казарский, используя весла, ловко вывернул бриг из-под двойного удара. Из-за обстрела на бриге периодически возникали пожары, но матросы, ни на минуту не прерывая стрельбу, в считанные минуты заливали их водой.

* * *

Вот как описывает начало боя в докладе на имя императора Николая I командующий Черноморским флотом адмирал Грейг: «Когда по случаю замечательного приближения к нему неприятеля, за крейсерами нашими в погоню устремившегося, командиром фрегата “Штандарт” приказано было каждому судну взять такой курс, при коем оное имеет наилучший ход, тогда бриг “Меркурий” привел в галфвинд на румб NNW, имея у себя флот турецкий к SSO, и поставил все паруса; однако сия перемена курса не могла отдалить его от преследующих, и лучшие ходы неприятельского флота, два корабля, один 110-пушечный под флагом капудан-паши, а другой 74-пушечный под адмиральским флагом, настигали бриг чувствительно и в ходе 2-го часа пополудни находились от него на полтора пушечных выстрела, а как в это время стихающий ветер еще более уменьшал ход, то капитан-лейтенант Казарский в надежде удалиться обратился к действию веслами, но и сия утешительная надежда недолго продолжалась, ибо в половине 3-го часа ветер опять посвежел, и корабли начали приближаться, открыв огонь из погонных своих орудий. Видя совершенную невозможность избежать столь неравного сражения, капитан-лейтенант Казарский, собрав всех офицеров своих, составил военный консилиум, на котором корпуса штурманов поручик Прокофьев первый предложил взорвать бриг на воздух, и вследствие того положено единогласно: защищаться до последней крайности, и наконец, если будет сбит рангоут или откроется в судне течь, до невозможности откачивать оную, тогда свалиться с каким-либо неприятельским кораблем, и из офицеров кто останется еще в живых, должен зажечь крюйт-камеру, для чего был положен на шпиль заряженный пистолет.

После сего командир брига долгом поставил напомнить нижним чинам об обязанностях их к Государю и Отечеству и, к удовольствию, нашел в людях решимость драться до последней капли крови. Успокоенный таковыми чувствами экипажа, капитан-лейтенант Казарский прекратил действие веслами и, приказав отрубить ял, за кормою висевший, открыл огонь из ретирадных пушек. Вскоре за тем 110-пушечный корабль начал спускаться, чтобы занять правую сторону, а может быть, сделать залп вдоль брига, но сей последний избежал столь пагубного действия, взяв направление к N; таким образом, еще около получаса он терпел только от одних погонных пушек; но после того был поставлен между двумя кораблями, из коих каждым сделано по бригу два залпа, и с корабля капудан-паши закричали: “Сдавайся и убирай паруса!” На сие ответствовало с брига огнем всей артиллерии и ружей при громком “ура”, и оба корабля, сдавшись несколько за корму брига, продолжали до 4 1/2 часов непрерывную пальбу ядрами, книпелями, картечью и брандсугелями, из коих один горящий завязнул между гаспицами, произвел пожар, но, к счастью, оный вскоре был потушен».

В начале шестого часа удачными выстрелами канонира Ивана Лисенко удалось повредить ватер-штаг и бейфут грот-марса-рея «Селимие», после чего его марсель и брамсель заполоскали и беспомощно повисли. На «Селимие» поднялся страшный шум и крики. Благодаря этому попаданию корабль неприятеля немного отстал и привелся к ветру для починки. Тем не менее вслед «Меркурию» был дан полный залп, сбивший со станка одну из пушек.

* * *

В ряде описаний боя бытует версия о некой решительной атаке Казарского «Реал-Бея». К примеру: «Маленький бриг отважно приближался к огромному турецкому кораблю. Думая, что русские решили взорвать себя вместе с “Реал-Беем”, турки один за другим прыгали в воду. Но Казарский поступил иначе: сблизившись вплотную с неприятельским линейным кораблем, перебил сразу несколько его рей. Те рухнули, и “Реал-Бей” беспомощно закачался на волнах. Дав по турецкому кораблю последний залп, “Меркурий” продолжил свой путь».

На самом деле никакой «отважной атаки», разумеется, не было. «Меркурий», как и раньше маневрируя, уходил из-под продольных залпов второго турецкого линейного корабля, ведя артиллерийский бой и сосредотачивая свой огонь по такелажу противника. Как и раньше, Казарский продолжал придерживаться принятого плана. В отношении «Селимие» его расчет оказался верен, верным он оказался и в отношении «Реал-бея».

Около шести часов было нанесено серьезное повреждение и второму кораблю. На этот раз «Меркурию» удалось перебить его фор-брам-рей и нок фор-марса-рея, который, падая, увлек за собой лисели. Упав, лисели закрыли порты носовых пушек, а свертывание марселя лишило корабль возможности маневрировать. «Реал-бей» привелся в бейдевинд и лег в дрейф.

Из рапорта адмирала Грейга: «Во все время сражения бриг упорно отпаливался, уклоняясь по возможности, дабы избежать продольных выстрелов. Между тем, действуя по 110-пушечному кораблю правым бортом, перебил у него ватер-штаги и повредил гротовый рангоут, от чего корабль сей, закрепив трюсели, рот-бом-брамсель и брамсель, привел к ветру, на левую сторону и, сделав залп со всего борта, лег в дрейф. Другой корабль еще продолжал действовать, переменяя галсы под кормою брига, и бил его ужасно продольными выстрелами, коих никаким движением избежать было невозможно, но и сие отчаянное положение не могло ослабить твердой решимости храброго Казарского и неустрашимой его команды; они продолжали действовать артиллериею, и, наконец, счастливыми выстрелами удалось им повредить на неприятельском корабле грот-руслень, перебить фор-брам-рей и левый нок фор-марса-рея, падение коего увлекло за собою лисели, на той стороне поставленные, тогда и сей кораблю в 5 1/2 часов привел в бейдевинд. Во время сего ужасного и столь неравного боя, продолжавшегося около 3 часов в виду турецкого флота, состоявшего из 6 линейных кораблей (в том числе и двух атаковавших бриг (двух фрегатов, двух корветов, одного брига и трех одномачтовых судов), с нашей стороны убито рядовых 4 человека, ранено 6, пробоин в корпусе судна с подводными 22, в рангоуте 16, в парусах 133, перебитого такелажа 148 штук, разбиты гребные суда и корронада.

В заключение капитан-лейтенант Казарский доносит, что он не находит ни слов, ни возможности к описанию жара сражения, им выдержанного, а еще менее той отличной храбрости, усердия и точности в исполнении своих обязанностей, какие оказаны всеми вообще офицерами и нижними чинами, на бригае находящимися, и что сему токмо достойному удивления духу всего экипажа, при помощи Божией, приписать должно спасение флага и судна Вашего Императорского Величества. Итак, 18-пушечный российский бриг в продолжение 3 часов сражался с достигшими его двумя огромными кораблями турецкого флота, под личною командою главных адмиралов состоящими, и сих превосходных сопровитников своих заставил удалиться.

Столь необыкновенное происшествие, доказывающее в чрезвычайной степени храбрость и твердость духа командира судна и всех чинов оною, обрекших себя на смерть для спасения чести флага, ими носимого, превышает всякую обыкновенную меру награды,

какую я могу назначить сим людям, и токмо благодать и неограниченные щедроты Вашего Императорского Величества в состоянии вознаградить столь достойный удивления подвиг, который, подвергая всеподданнейше на благоусмотрение Ваше, Всемилостивейший Государь, подношу для себя табель о числе людей, на бриге состоящих, и список офицерам одного».

* * *

Разумеется, что нельзя говорить о бое «Меркурия», не ознакомившись и с рапортом самого А.И. Казарского: «Когда замечено было приближение Турецкого флота к бригу, я, следуя сигналу командира фрегата “Штандарт”, лег гальвиндом (направление к ветру 90 градусов, т. е. полветра) при юго-западном ветре, имея неприятеля на юг. Вскоре оказалось, что перемена курса принесла мало пользы. Лучшие ходки неприятельского флота – два корабля, один 110-пушечный “Селимие”, под флагом командующего флотом – капудан-паши, а другой 74-пушечный “Реал-бей”, под адмиральским флагом младшего флагмана, приметно настигали бриг, а в исход второго часа пополудни они были от меня в расстоянии полутора пушечного выстрела. В это время ветер стих, и ход преследующих кораблей уменьшился. Пользуясь этим обстоятельством, я прибегнул к единственному средству ускорения хода, к веслам, надеясь посредством их увеличить расстояние, отделявшее бриг от неприятеля; но не прошло и получаса, как ветер посвежел снова, корабли стали приближаться к бригу и открыли по нему огонь из погонных пушек. Видя совершенную невозможность уклониться от неравного боя, я собрал совет из офицеров. Поручик корпуса штурманов Прокофьев, от которого первого было потребовано мнение, предложил “взорвать бриг, когда он будет доведен до крайности”.

Вследствие этого мнения, принятого единогласно, было положено защищаться до последней возможности и если будет сбит рангоут, или откроется большая течь, тогда схватиться с ближайшим неприятельским кораблем, и тот офицер, который останется в живых, должен зажечь кюйт-камуру (пороховой погреб), для чего был положен на шпиль пистолет. После этого, обратившись к нижним чинам, объяснил я им, чего ожидает от них Государь и требует честь императорского флага, нашел в команде те же чувства, как и в офицерах: все единогласно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге.

Успокоенный таким единодушием, я приказал прекратить действие веслами, поставить людей к пушкам, сбросить в море ял, висевший за кормой, и открыть огонь из ретирдных портов. Вскоре 110-пушечный корабль начал спускаться с тем, чтобы занять место с правой стороны брига и дать продольный залп; но Меркурий избежал последнего, приспустившись вовремя. Таким образом, еще около получаса бриг подвергался выстрелам одних погонных пушек, но потом был поставлен между двумя кораблями, каждый из которых сделал два залпа по бригу, после чего с корабля капудан-паши закричали: “Сдавайся и убирай паруса”. Ответом на это были залп всей артиллерии и дружный ружейный огонь. Тогда оба корабля, сдавшись к корме брига, открыли по нему непрерывную канонаду ядрами, кнпелями и брандскугелями, которыми был произведен пожар, вскоре, однако, потушенный. Во все время Меркурий не прерывал своего огня, стараясь по возможности уклоняться от продольных выстрелов, пока канонирам брига удалось перебить ватер-штанги бугшприта (горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся с носа судна, к которому крепятся косые маневренные паруса) и повредить гrotовый рангоут (гrot-мачта) “Селимие”, что заставило последний закрепить трюсели, гrot-бом-брамсель и брамсель (гrot, гrot-марсель-второй снизу парус над гrotом, над ним брамсель, выше бом-брамсель), привести к ветру и лечь в дрейф; но прежде прекращения действия он послал бригу залп со всего борта. Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы под кормой брига и бил его продольными

выстрелами, которых никакими движениями невозможно было избежать, но все же Меркурий отстреливался до того времени, пока счастливым выстрелом удалось повредить грот-руслень (площадка рулевого управления у грот-мачты), перебить фор-брам-рей, левый нок фор-марса-рея, падение коего увлекло за собой лисели (дополнительные паруса), на той стороне поставленные; тогда и этот корабль привел в бейдевинд (курс, близкий к линии ветра), через пять часов сражения...»

В воспоминаниях участника этих событий штурманского кондуктора С. Дмитриева рассказывается о некоторых весьма любопытных деталях боя. Весьма интересна информация о подвиге матроса Щербакова, который погиб от турецкой пули, заслонив своим телом Казарского, о корабельном плотнике Пальчикове, который во время боя умудрялся, несмотря на пролетающие мимо пули, заделывать многочисленные пробоины корпуса судна. Описывает Дмитриев и то, что команде с большим трудом удалось потушить пожар, возникший от брандскугеля, врезавшегося в борт рядом с пороховым погребом, как канониры Лисенко и Кабанов меткими выстрелами повредили рангоуты обоих вражеских кораблей, заставив их лечь в дрейф, и как вся команда, борясь за живучесть корабля, изнемогая от усталости, откачивала воду из поврежденного трюма.

Отметим, что если о поразительной меткости Лисенко (в некоторых источниках он указан как Лысенко) и Кабанова, которая обеспечила победу «Меркурию», известно достаточно хорошо, то подвиг матроса Щербакова описан только в воспоминаниях С. Дмитриева. Это достаточно удивительно, ведь не каждый день матросы заслоняют своей грудью командиров. Когда в 1854 году при обороне Севастополя произошел подобный случай и матрос Шевченко ценой своей жизни спас от смерти лейтенанта Бирилева, об этом узнала вся Россия. О подвиге Шевченко писали стихи и рисовали картины, ему ставили памятники. В данном же случае – полное молчание. О подвиге Щербакова не упомянул в своем рапорте ни адмирал Грейг, ни сам командир «Меркурия». Это по меньшей мере странно. Не хочется думать, что Казарский проявил такую вопиющую неблагодарность по отношению к спасшему его матросу. Единственно возможное объяснение молчанию о Щербакове, что он находился рядом с Казарским, был убит (ранен?) подле него, а потому, заслонял его или нет, командир брига сказать в точности не мог. Выстрел, полет пули и падение пораженного пулей матроса было делом одного мгновения, а потому, возможно, занятые каждый своим делом матросы «Меркурия» не имели возможности в точности определить нюансы гибели Щербакова. Разговоры между ними о том, что Щербаков погиб, закрыв собой Казарского, могли возникнуть во время разговоров на баке уже после боя. Впрочем, все могло быть и так, как описал С. Дмитриев и о чем промолчал Казарский.

Поскольку артиллерийская канонада, доносившаяся по направлению скрывшегося за горизонтом «Меркурия», смолкла, командиры «Штандарта» и «Орфея», считая «Меркурий» погибшим или захваченным турками, приспустили в знак траура флаги.

На следующий день, 15 мая, «Меркурий» присоединился у Сизополя к главным силам Черноморского флота, стоявшим у Сизополя. Извещенный «Штандартом», в 14 часов 30 минут Черноморский флот в полном составе уже шел к Босфору на перехват турок.

Когда на горизонте появились русские корабли, Казарский разрядил лежавший у крюйт-камеры пистолет в воздух. Повреждения «Меркурия» в результате беспримерного боя сразу с двумя сильнейшими турецкими линейными кораблями были впечатляющими: и в корпусе, и в рангоуте, и в такелаже. То, что из команды было убито всего четыре матроса, а еще шесть ранено, можно считать огромным везением, так как потери могли быть намного больше. Контужен в голову пролетевшим рядом ядром был и сам Казарский. Разумеется, что с такими серьезными повреждениями «Меркурий» уже не мог сопровождать флот, а потому адмирал Грейг отправил «Меркурий» в Севастополь. По прибытии в главную базу бриг сразу встал в ремонт.

Глава вторая

Кто он, этот герой Казарский?

Для того чтобы немного ознакомиться с биографией командира «Меркурия», отметим, что его дед Кузьма Иванович Казарский служил на Черноморском флоте в лейтенантском чине еще в екатерининское время и сражался против турок вместе со знаменитым голландцем Кинсбергеном.

Александр Иванович Казарский родился 16 июня 1798 года на белорусской земле в местечке Дубровно Витебской губернии в весьма небогатой семье отставного губернского секретаря, управляющего имением князя Любомирского. Отец Саши – Иван Кузьмич Казарский, мать – Татьяна Гавриловна. В семье Казарских было пятеро детей: Прасковья, Екатерина, Матрена, Александр и Иван.

В разных источниках фамилия Казарского пишется по-разному – как Казарский и как Козарский. Впрочем, для первой половины XIX века это было не редкость. Согласно «Словарю русских фамилий», фамилия Казарский имеет своей основой слова «козар» – «казар», которые являются либо причастной формой от тюркского глагола «нарастать, увеличиваться» или «копать, рыть», т. е. или «нарастающий», или «роющий». По другой версии, фамилия Казарский представляет собой название древнего тюркского народа – хазаров. Менее вероятно происхождение фамилии Казарский от тюркского слова со значением «осторожность», «осторожный». Общий вывод таков – фамилия писалась и так и этак, все от писавшего зависело, при этом никто особенно не заморачивался на этом.

Обучение грамоте Казарский получил в церковно-приходской школе. Священник Дубровненского православного прихода обучал его грамоте, а местный ксендз преподавал основы математики, латыни и французского языка.

В 1808 году к Казарскому приехал двоюродный брат отца и крестный Александра надводный советник Василий Семенович Казарский, недавно назначенный на чиновничью должность в интендантском управлении Черноморского флота. Надворный советник согласно табелю о рангах соответствовал подполковнику. Чин не столь уже велик, но в черноморских кругах все же заметный. Дядя предложил отвезти двоюродного племянника в Николаев и определить в Черноморское штурманское училище.

На прощание Иван Кузьмич якобы сказал сыну: «Честное имя, Саша, – это единственное, что оставляю тебе в наследство». Первый биограф А.И. Казарского капитан-лейтенант Иван Николаевич Суцев, побывавший в Дубровно в 40-х годах прошлого века, со слов очевидцев записал подробности этой сцены, в частности, признание И.К. Казарского, что честное имя – единственное достояние, которое он оставляет в наследство сыну. Помимо этого в завещании отца фигурировало еще старое охотничье ружье. Много лет спустя, заполняя очередной «формулярный список о службе и достоинствах», флигель-адъютант и кавалер гвардейского экипажа капитан 1-го ранга А.И. Казарский в графе «имеет ли за собою, за родителями или, когда женат, за женою недвижимое имение», напишет: «Не имею».

Занятия проводили весьма опытные и грамотные преподаватели Латышев, Жданов, Дружинин. Лука Андреевич Латышев, к примеру, участвовал во взятии Корфу и многих других плаваниях и сражениях.

30 августа 1813 года волонтер Александр Казарский был записан в Черноморский флот гардемаринном. А еще через год в одном из местных греческих трактиров однокашники отмечали свое производство в первый офицерский чин. В кают-компании бригаantin «Десна» и «Клеопатра», на которых мичман Казарский плавал после окончания училища, хорошо помнят веселого, стройного и красивого мичмана. Надеюсь найти живое дело в погранич-

ной службе, Казарский подал рапорт о переводе на Дунайскую флотилию, после чего и был назначен в Измаил командиром отряда канонерских лодок.

Перед отъездом в Измаил Казарский испросил отпуск, который провел на родине в Дубровно. Отца и младшей сестры Матрены к этому времени уже не было в живых, а сам дом был разграблен. Сохранились свидетельства, что во время французской оккупации Матрена бросилась в Днепр, спасаясь от насильников. Мать Татьяна Гавриловна, похоронив мужа и дочь, уехала к своим родственникам в Малороссию. Не сложилась судьба и еще у одной сестры Казарского – Екатерины, которая вышла замуж за обманувшего ее пехотного поручика-двоеженца. Когда обман раскрылся, Екатерина с горя постриглась в монахини. Устроить свою жизнь смогла лишь старшая сестра Прасковья, которая вышла замуж за помещика средней руки и вполне счастливо жила недалеко от Орла. Посетив отеческое пепелище, Казарский уже больше никогда туда не возвращался.

Последующая служба Казарского на Дунае растянулась на пять лет. Затем была служба на фрегате «Евстафий» под командой капитана 2-го ранга Ивана Скаловского. Думаю, что именно служба под началом Скаловского оказала наибольшее влияние на Казарского как на боевого офицера. Иван Скаловский был личностью замечательной. В свое время мы еще подробно поговорим о его подвиге при поединке брига «Александр» с несколькими французскими судами. Тогда же он оказался командиром и учителем для капитан-лейтенанта Казарского, которому в самом скором времени предстояло повторить и превзойти подвиг командира «Александра»! Зигзаги человеческих судеб порой настолько удивительны, что перед ними меркнет любая фантазия...

После фрегата «Евстафия» Казарский плавал на шхуне «Севастополь», транспортах «Ингул» и «Соперник», командовал катером «Сокол», служил на бриге «Меркурий», на линейном корабле и снова на бриге «Меркурий».

А как он выглядел, Александр Казарский? Хорошо знавшая его Е. Фаренникова оставила нам такие воспоминания: «Молодой человек, невысокого роста, худенький, с темными волосами, приятным, умным, подвижным лицом. Когда, бывало, приезжал он к нам... всех обласкает, всю прислугу обделит подарками. Живой говорун, остряк, шутник и любезный со всеми, он не любил сидеть на одном месте. Как теперь вижу скорую его походку по комнате, слышу живой, приятный разговор, громкий смех и неустанное истребление изюма».

А теперь заглянем в «Общий морской список», содержащий основные служебные данные на всех офицеров российского флота. В отношении А.И. Казарского там сказано следующее:

«1811 г. Поступил на службу в Черноморский флот волонтером. Принят в штурманский класс Николаевского училища на собственный кошт.

1813 г. Пожалован в гардемарины.

1815 г. Произведен в мичманы.

1816–1819 гг. Командуя военными лодками в составе дунайской флотилии, плавал между Измаилом и Килией.

1819 г. Произведен в лейтенанты.

1822 г. На транспорте «Ингул» плавал между Севастополем и Глубокой пристанью.

1823 и 1824 гг. На корабле «Император Франц» крейсировал в Черном море.

1826 г. Командуя транспортом «Соперник», плавал у крымских берегов.

1827 г. Командуя тем же бригом, доставил из Одессы и Очакова мостовые понтоны к Килийским гирлам Дуная.

1828 г. Бриг «Соперник», ставший на военное время транспортом, под командованием Казарского участвовал в доставке войск 3-й бригады и вооружения. По приказу адмирала Грейга на «Соперник» был установлен единорог. Так «Соперник» стал бомбардирским судном. Вовремя снесло «Соперник» к Анапе. Мелководье не позволяло флоту подойти к

крепости на близкое расстояние, а навесной огонь его артиллерии не причинял бастионам серьезного вреда. “Соперник” же мог подойти близко к берегу. Три недели маневрировал Казарский под стенами Анапы, громя ее бастионы, увертываясь от прицельного огня крепостных орудий и батарей. “Соперник” получил десятки повреждений, но оставался в строю до последнего дня осады. Произведен в капитан-лейтенанты за отличия, оказанные при взятии Анапы.

К 29 августа нашей армией была обложена со всех сторон Варна. Как и под Анапой, Казарский на своем “Сопернике” маневрировал в непосредственной близости у стен крепости, прикрывая огнем осадные работы со стороны моря. К 25 сентября все было готово к решающему штурму Варны. Бомбардирские суда, в том числе и “Соперник”, артиллерия гребной флотилии и осадные батареи капитана 2-го ранга Залесского сосредоточили огонь на бастионе, окончательно подавив сопротивление неприятеля. Бастион был взят. За взятие Варны Казарский в том же году награжден золотой саблей “За храбрость”.

* * *

Вскоре после этого адмирал Грейг назначил Казарского командиром 20-пушечного брига «Меркурий», вместо ушедшего командиром фрегата «Рафаил» капитан-лейтенанта Стройникова. За плечами тридцатилетнего Казарского были к тому времени уже пятнадцать лет службы на флоте. На бригае «Меркурий» новому командиру было все знакомо. И пяти лет не минуло с того дня, как он ушел с него на «Соперник» по аттестации тогдашнего командира брига капитан-лейтенанта Аристарха Конотопцева. И вот теперь он сам командир «Меркурия».

По распоряжению Грейга бриг «Меркурий» крейсировал у берегов Крыма, в непосредственной близости от главной базы. Основные же события войны происходили у берегов Румелии и Анатолии. А в апреле 1829 года «Меркурий» был отправлен к Сизополю на соединение с отрядом крейсеров капитана 1-го ранга Скаловского.

А вскоре и первый успех. «Меркурий» находился в разведке у Босфора. Поздней ночью впередсмотрящий доложил вахтенному, что наперерез бригау движется чектырма (небольшое турецкое судно), с которой доносились громкие крики. Переводчик Федор Папиуто объяснил Казарскому, что капитан чектырмы просит разрешения подойти к борту. «Меркурий» лег в дрейф. Греческий шкипер сообщил, что в Пендераклии в спешном порядке достраивается линейный корабль. Шкипер рассказал и о расположении батарей, прикрывающих вход в бухту, и о числе судов в гавани. С этим важным известием «Меркурий» на всех парусах помчался в Сизополь. Отряд линейных кораблей и фрегатов незамедлительно снялся с якоря. Однако участвовать в самой операции Казарскому не удалось: Скаловский отправил его с донесением о предстоящей операции к Грейгу.

Пендераклийское дело отряда судов капитана 1-го ранга Скаловского стало одним из самых больших успехов Черноморского флота в ту войну. Группа охотников во главе с мичманом Иваном Трескиным подкралась ночью к недостроенному турецкому кораблю и подожгла его. Охвативший корабль пожар перекинулся на другие суда и береговые склады. Всего, включая линейный корабль, неприятель потерял в Пендераклии семнадцать судов. Да еще на рейде Акчераса отряд Скаловского потопил неприятельский корвет.

Вне всяких сомнений, Казарский переживал, что ему не пришлось участвовать в столь славном для русского флота деле. Увы, такова судьба маленьких посыльных судов!

Глава третья

Бриг «Меркурий» и его команда

Из пятитомного научного труда «Истории отечественного судостроения» под редакцией академика И.Д. Спасского: «Наличие военных бригов в составе Черноморского флота определялось штатами 1803 года: их должно было быть пять. Однако до 1819 года построили только одно судно этого класса – небольшой 16-пушечный бриг “Мингрелия” (на котором А.С. Пушкин с семьей Раевских совершил плавание вдоль берегов Крыма. – *В.Ш.*). Начатое А.С. Грейгом активное внедрение бригов в состав флота обуславливалось острой потребностью в судах для несения патрульной службы у кавказского побережья. Из всех классов судов, имевшихся в Черноморском флоте, быстроходные, маневренные и достаточно сильно вооруженные бриги лучше других подходили для защиты торгового судоходства у “абазинских берегов” от участвовавших набегов горцев. Заложенный в конце 1819 года корабельным мастером И.Я. Осминским в Севастопольском адмиралтействе бриг был знаменитый “Меркурий”... Третий 20-пушечный бриг должен был строиться в Херсоне корабельным мастером М.И. Суравцевым. Однако возникла серьезная загвоздка. Дело в том, что последний, являясь старшим корабельным мастером черноморского ведомства, в обязанность которого входили общий надзор за постройкой всех судов на Херсонской, Николаевской и Севастопольской верфях, освидетельствование и дефектация кораблей флота и много других работ подобного рода, вследствие своей занятости и частых разъездов, практически не занимался порученным ему бригом. Поэтому, когда в декабре 1819 года купец Д. Исаков обратился в исполнительную экспедицию с предложением построить бриг с подряда, оно нашло поддержку со стороны администрации. Контракт с подрядчиком был подписан в июне 1820 года с условием, что бриг будет строиться не в Херсоне, а в Николаеве. Задержки привели к тому, что третий бриг, получивший название “Орфей”, был заложен корабельным мастером А.И. Мелиховым только в сентябре 1820 года». Несколько позднее Черноморский флот пополнился еще двумя бригами – «Везувий» и «Ганимед».

Бриг «Меркурий» был построен на Севастопольской верфи известным корабельным мастером подполковником корпуса корабельных инженеров Иваном Яковлевичем Осминичевым. Судно предназначалось специально для охраны кавказского побережья, несения дозорной службы и разведки. В качестве материала для постройки «Меркурия» был выбран крепкий крымский дуб. После окончания постройки «Меркурий» вошел в состав 32-го флотского экипажа.

Свое имя бриг получил в честь катера «Меркурий», отличившегося во время Русско-шведской войны 1788–1790 годов под командованием капитан-лейтенанта Романа Кроуна. Этот катер 29 апреля 1789 года атаковал и сумел захватить в плен шведский 12-пушечный тендер «Снапоп», а менее, чем через месяц, 21 мая, пленил еще и 44-пушечный фрегат «Венус». За это Кроун получил от Екатерины II на грудь Святого Георгия 4-й степени, произведен в следующий чин и получил пожизненную пенсию. В бою участвовала и жена Кроуна Екатерина, которая везде сопровождала своего мужа. Императрица не обошла наградой и храбрую капитаншу. Екатерина Кроун получила от нее недавно учрежденный женский орден Святой Екатерины.

Бриг «Меркурий» – 18-пушечный двухмачтовый парусный военный корабль. Был заложен в Севастополе 28 января (9 февраля) 1819 года и спущен на воду 7 (19) мая 1820 года. Увековечил свое имя победой в неравном бою с двумя турецкими кораблями 14 мая 1829 года, за что был награжден кормовым Георгиевским флагом.

Будучи бригом, судно имело две мачты – фок и грот. Каждая из них несла по четыре рея и, соответственно, четыре прямых паруса: фок, фор-марсель, фор-брамсель и фор-бом-брам-

сель на фок-мачте; грот, грот-марсель, грот-брамсель и грот-бом-брамсель на грот-мачте. Также на грот-мачте имелся гафельный парус, улучшающий маневренность. На штагах располагались стаксели (грот-стаксель, грот-стенг-стаксель, грот-брам-стенг-стаксель) и кливер. Кроме того, бриг имел и вспомогательные паруса – лисели, применяемые на полных курсах. Нос «Меркурия» украшала фигура бога торговли Меркурия, наверное, самого невоенного из пантеона римских богов. Носовая фигура была поясной, хотя на изначальных чертежах Осминина предполагалось изображение фигуры в полный рост. На голове носовой фигуры красовался положенный богу торговли крылатый шлем.

Вооружение брига было достаточно солидным и состояло из восемнадцати 24-фунтовых карронад для ближнего боя и двух переносных пушек меньшего калибра, имевших больший радиус действия. При необходимости эти пушки можно было использовать как в качестве ретирадных в портах гакоборта, так и в качестве погонных в носовых портах, то есть они могли применяться как при уходе от противника, так и при его преследовании. Что касается карронад, то они были установлены на верхней палубе, причем орудийные порты не закрывались, так как они одновременно играли и роль шпигатов, то есть через них осуществлялся сток воды, попадающей на палубу.

«Меркурий» отличался от других бригав русского флота гораздо меньшей осадкой и оснащением веслами (по семь весел с каждого борта). Это позволяло с успехом использовать его в прибрежной зоне, для чего, собственно, он и строился. Примечательно, что гребли на «Меркурии» вёслами стоя. Из-за меньшей осадки бриг имел и меньшую глубину интрюма, что ухудшало его ходовые качества. «Меркурий» был достаточно крепким кораблем, но достаточно тяжелым на ходу. При этом бриг был устойчив и хорошо держал высокую волну, однако в тихую погоду грузнел.

Новый бриг имел водоизмещение в 390 тонн, длину 29,46 метра, ширину 9,4 метра (с обшивкой 9,7 метра) высоту борта 4,11 метра, осадку форштевнем 2,74 метра и ахтерштевнем 3,9 метра. Площадь парусов судна составляла 856 квадратных метров.

Приписан бриг «Меркурий» был к 32-му флотскому экипажу.

Первым командиром «Меркурия» стал капитан-лейтенант Иван Максимович Головин, командовавший бригам с 1820 по 1821 год. Следующим командиром «Меркурия» стал капитан-лейтенант Лука Андреевич Мельников, которого сменил капитан-лейтенант Аристарх Григорьевич Конотопцев, прокомандовавший «Меркурием» намного больше своих предшественников – четыре года. Конотопцева сменил в 1826 году капитан-лейтенант Семен Михайлович Стройников. И, наконец, уже в ходе войны с турками в начале 1829 года на шканцы «Меркурия» взошел капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский.

В 1820–1827 годах «Меркурий» находился в плаваниях по Чёрному морю, занимаясь боевой подготовкой и выполняя отдельные приказания командования. В кампании 1827 года бриг крейсировал у берегов Абхазии, успешно борясь с судами контрабандистов.

С началом Русско-турецкой войны 1828–1829 годов «Меркурий» участвовал во взятии Черноморским флотом крепостей Анапа, Варна, Инада, Бургас, Сизополь. 9 мая 1828 года вместе с бригам «Ганимед» принимал участие в захвате у Геленджика двух турецких транспортов, перевозящих войска, после чего отконвоировал их в Сизополь. В 1828 году бриг «Меркурий» участвовал в конвоировании наших транспортов.

* * *

На май 1829 года численность команды брига «Меркурий» составляла 115 человек, среди них: 5 офицеров, 5 квартирмейстеров, 24 матросов 1-й статьи, 12 матросов 2-й статьи, 43 старших юнгов (т. е. вчерашних рекрутов), 2 барабанщика, 1 флейтщик, 9 бомбардиров и канониров и 14 остальных (плотников, конопатчиков, коков и денщиков).

Помимо командира брига капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского на бригае в офицерских должностях состояли: старший офицер и командир первой вахты лейтенант Фёдор Михайлович Новосильский, командир второй вахты лейтенант Сергей Иосифович Скарятин, командир третьей вахты мичман Дмитрий Петрович Притупов и штурман брига поручик корпуса флотских штурманов Иван Петрович Прокофьев.

Сразу же после возвращения в Севастополь после знаменитого боя 14 (26) мая 1929 года на «Меркурии» произошли перемещения в офицерском составе.

В эти годы бригам командовал лейтенант Алексей Иванович Рогуля, который уже 30 мая 1829 года принял дела у капитан-лейтенанта Казарского и прослужил на ремонтирующемся бригае до 1831 года, и капитан-лейтенант Мефодий Петрович Панютин – с 1831 по 1835 год, на долю которого и выпал почти весь ремонт судна. В 1835 году бриг принял капитан-лейтенант Федор Новосильский, которого три года спустя сменил капитан-лейтенант Николай Вульф. В кампаниях 1837–1839 годов бриг участвовал в высадках десантов на кавказском побережье. В 1840 году командиром «Меркурия» командовал младший брат А.И. Казарского капитан-лейтенант Николай Казарский. Заметим, что из всех командиров брига он прокомандовал им более всех – целых восемь лет – и лишь в 1849 году сдал судно лейтенанту Николаю Макухину.

В 1847 году «Меркурий» капитально отремонтировали, но судно все равно быстро ветшало. Через несколько лет носовая фигура брига – бог торговли Меркурий – был передан в военно-морской музей, из медной обшивки сделали памятные пластины, а из дубовой обшивки – рамы для картин знаменитого боя.

В эти годы «Меркурий» не застаивался в гаванях, а ежегодно находился в длительных крейсерствах у берегов Кавказа. Кампанию 1850 года бригам командовал капитан-лейтенант Николай Каландес, которого сменил капитан-лейтенант Константин Явленский, ставший последним командиром легендарного судна. В 1851–1852 годах «Меркурий» находился в практическом плавании в составе 1-й эскадры 4-й флотской дивизии. В 1853 году бриг вновь курсировал у восточных берегов Черного моря в составе отряда контр-адмирала Федора Михайловича Новосильского, который, будучи лейтенантом, принимал участие в знаменитом бое брига с турецкими кораблями.

Это была последняя морская кампания знаменитого брига. По ее завершении бриг был выведен из боевого состава и разоружен. Однако, даже перестав быть боевым судном, бывший «Меркурий» продолжал служить Отечеству. Во время обороны Севастополя в 1855 году корпус «Меркурий» использовался в качестве понтона при наведении моста через Южную бухту. Именно по нему отходили на Северную сторону Севастополя русские войска после падения Малахова кургана. В 1856 году корпус бывшего брига, который оказался на удивление прочным, отбуксировали в Николаев, где некоторое время использовали в качестве плавающего склада. 9 ноября 1857 года приказом генерал-адмирала № 180 бывший бриг «Меркурий» «по причине крайней ветхости» был исключен из списков флота и окончательно разобран. Увы, ничего нет вечного в этом мире...

* * *

Как сложилась дальнейшая жизнь офицеров брига? О судьбе командира «Меркурия» Александре Ивановиче Казарском наша речь еще впереди.

Старший офицер «Меркурия» лейтенант Федор Новосильский за бой 14 мая получил капитан-лейтенантский чин и Владимирский крест с бантом 4-й степени и, как все остальные офицеры, пистолет в родовой герб – «как орудие, избранное для взрыва брига на воздух на случай невозможности продолжать оборону». Затем участвовал во взятии крепостей Агатополь и Инада. Затем была служба старшим офицером на фрегате «Эривань», линейном

корабле «Императрица Екатерина II» и «Пимен», принимал участие в знаменитой Босфорской экспедиции контр-адмирала Лазарева, за что получил Анну 3-й степени. В 1834 году Новосильский стал командиром брига «Меркурий» и проплавал под его георгиевским флагом три года, участвуя в боях с горцами при реке Шапсухо. В 1837 году он принял под свое начало линейный корабль «Три Святителя». И снова новые сражения при Сочи и Туапсе. В 1840 году Новосильский уже капитан 1-го ранга. Еще семь лет спустя он становится георгиевским кавалером, а в 1849 году – контр-адмиралом и командиром бригады. Ежегодно из года в год опытный моряк выводил в море свои корабли. В июне 1852 года становится командиром 4-й флотской дивизии. А затем было участие в знаменитом Синопском сражении с турецким флотом, где контр-адмирал Новосильский возглавил колонну линейных кораблей, как младший флагман вице-адмирала Нахимова. Наградой за Синопскую победу был вице-адмиралский чин. Всю одиннадцатимесячную оборону Севастополя Новосильский провел на бастионах, командуя 2-м отделением оборонительной линии, а на завершающем этапе обороны – командиром Севастопольского порта и военным губернатором города. Если бы он был убит, то, несомненно, вошел бы в пантеон адмиралов-героев, наравне с Нахимовым, Корниловым и Истоминым. Но пули и ядра пощадили Новосильского, а потому имя его незаслуженно осталось в тени. В последующие годы черноморский ветеран был главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором. В 1863 году Новосильский становится полным адмиралом и генерал-адъютантом. В 1866 году он в последний раз поднимает свой флаг на линейном корабле «Император Николай I», перейдя с действующего флота в Государственный совет. По отзывам современников, Новосильский отличался интеллигентностью, вежливостью с подчиненными и хладнокровием в любых ситуациях. Из жизни герой «Меркурия», Синопа и Севастополя ушел на исходе XIX века на девятой десятке, когда в морях уже дымили столь непривычные взору старого парусника тяжелые броненосцы.

Лейтенант Сергей Скарятин, который положил заряженный пистолет на бочку с порохом, за проявленный героизм был награжден капитан-лейтенантским чином и Владимиром 4-й степени, и, как все остальные офицеры, пистолетом в родовой герб.

По другой версии, Скарятин весь бой просидел в кюйт-камере со взведенным пистолетом в руке, чтобы по команде Казарского взорвать бриг. Однако, учитывая, что офицеров на «Меркурии» было всего ничего, вряд ли Казарский стал бы отсылать в кюйт-камеру в столь тяжелейшем бою одного из двух своих лейтенантов. Скорее всего, взорвать бриг должен был последний из оставшихся в живых офицеров.

До конца войны Скарятин успел еще повоевать под Василиском, Агатоподем и Инадой на фрегате «Поспешный». Окончание войны Скарятин встретил уже командиром корвета «Ольга» в дозоре у Месемврии. Затем в течение долгих лет Скарятин непрерывно командовал различными судами Черноморского флота, плавал в Эгейском и Средиземном морях. В 1841 году за 18 морских кампаний стал георгиевским кавалером. В следующем 1842 году бывший лейтенант «Меркурия» был уволен в отставку с чином капитана 1-го ранга. О последующих годах Скарятин нам ничего не известно, кроме того, что он умер до 1869 года. Не сделав особой карьеры, Скарятин остался в памяти современников как настоящий моряк и прекрасный командир.

Третьим офицером брига был мичман Дмитрий Петрович Притупов. Мичмана Притупова историки и писатели, пишущие на тему «Меркурия», традиционно не любят. Все почему-то характеризуют его как барина, причем на том лишь основании, что он, как мичман, не имея права на казенного денщика, имел на судне крепостного. Но не следует мерить нормы поведения начала XIX века нормами сегодняшнего дня. Если в то время возможности семьи Притуповых позволяли содержать слугу при сыне, и это официально разрешалось, то почему бы такого человека не иметь? Наличие личного слуги говорит лишь о том, что

помещики Притуповы были если не богаты, то и не совсем бедны, а потому родители, волнуясь за сына, приставили к нему дядьку-опекуна. Такой же дядька, кстати, был и у пушкинского Гринева в «Капитанской дочке», так что ничего сверхъестественного в наличии собственной прислуги при офицере даже небольшого чина не было. Больше никаких фактов относительно особого «барства» меркурьевского мичмана никто нигде не приводил, а потому будем считать, что барство Притупова – это всего лишь плод фантазии историков периода 40—70-х годов XX века. Возможно, что таким образом они старались подчеркнуть «народное» происхождение Казарского.

Из всех офицеров «Меркурия» Притупов – личность самая скромная, как по своей незначительной должности на брига (младше его считался лишь штурман Прокофьев), так и по дальнейшей своей карьере. Впрочем, в его службе имеется определенная загадка. Но обо всем по порядку. Итак, согласно «Общему морскому списку», Дмитрий Притупов был принят в Морской корпус в 1822 году, а уже два года спустя, в 1824-м, произведен в гардемарины. Это говорит, что учился он весьма неплохо. Последующие два года Притупов плавает на фрегатах «Урания» и «Малый» между Петербургом и Кронштадтом. Фрегаты были учебные, да и плавания не ахти какие, впрочем, опыт корабельной службы гардемарины получали. В 1827 году Притупов получает мичманский чин, тогда же его переводят на Черноморский флот. Там молодой мичман получает назначение на фрегат «Штандарт», на котором находится в крейсерстве у берегов Абхазии. Но на «Штандарте» Притупов пробыл всего несколько месяцев, после чего его переводят на «Меркурий». На «Меркурии» Притупов отплавал все два года войны с турками. Участвовал в блокаде Анапы и Вары, находился на брандвахте у Сухум-кале и в дозорах у Босфора.

Думается, что во время знаменитого боя он действовал неплохо, так как никаких нареканий со стороны Казарского в его адрес не имелось. По итогам боя Притупов, как и все остальные офицеры брига, был осыпан дождем наград: Владимир 4-й степени с бантом, двойная пенсия по смерти, пистолет в родовой герб и производство в лейтенанты «за отличие».

В следующем 1830 году Притупов плавает вахтенным начальником на линейном корабле «Иоанн Златоуст», который перевозит наши войска из Румелии в черноморские порты. Вахтенный начальник на линейном корабле – это и большое повышение в должности после маленького брига, и большая ответственность. Как справлялся с новой должностью Дмитрий Притупов, нам неизвестно. Однако уже в следующем году он служит на брандвахтенной бригадине «Елизавета» в Сухум-кале. И снова вопрос: если Притупова перевели на непрестижное брандвахтенное судно, да еще в такую дыру, как Сухум-кале, вахтенным начальником, – это явное понижение, и, значит, со своей должностью на «Иоанне Златоусте» он не справился. Если же он был переведен на бригадину старшим офицером – это повышение. К сожалению, «Общий морской список» о занимаемой Притуповым должности на «Елизавете» ничего не говорит. На бригадине Дмитрий Притупов служит два года, а затем переводится на фрегат «Архипелаг», на котором совершает плавание из Севастополя на рейд Константинополя в составе эскадры контр-адмирала Лазарева, а по завершении экспедиции с десантом на борту возвращается в Феодосию. На этом служба лейтенанта Притупова на Черноморском флоте заканчивается. В следующем 1834 году он уже служит на Балтийском флоте, но без назначения на какое-либо судно, а состоит при флотском экипаже на берегу. В 1835 году Притупов увольняется в бессрочный отпуск к «кавказским минеральным водам с состоянием по флоту». Такая формулировка говорит, во-первых, о какой-то серьезной болезни, а во-вторых, о том, что к Притупову отнеслись весьма заботливо, оставив его в кадрах флота. В отпуске Дмитрий Притупов пребывает два года, и только после этого, в 1837 году, окончательно выбывает с флота. Дальнейшая судьба бывшего мичмана Притупова нам неизвестна. Наверное, его след можно определить, изучив дворянские губернские книги.

Любопытно, что у Дмитрия Притупова был старший брат Николай. Этот брат поступил в Морской корпус на два года раньше младшего, но закончили они его одновременно. Затем братья вместе плавали на учебных фрегатах, а с получением мичманского чина Николай, в отличие от Дмитрия, остался служить на Балтике. А дальше мы видим нечто интересное. В 1833 году Николай Притупов переводится на Черноморский флот, а дальше там с ним что-то происходит, и почти сразу после этого перевода Николай увольняется с флота с присвоением чина лейтенанта. О причинах увольнения мы можем только догадываться. О непросто 1833 годе в истории Черноморского флота мы еще будем много говорить ниже, пока же можно предположить, что проходящая в тот год смена флотской элиты неким образом могла задеть и братьев Притуповых. И столь быстрое увольнение одного с флота, как и перевод второго на Балтику, возможно, взаимосвязаны. Это косвенно подтверждает и тот факт, что Николай Притупов, едва уволившись с Черноморского флота, уже через несколько месяцев восстанавливается в службе в мичманском чине, но уже на Балтике. Там он служит до 1841 года и увольняется в капитан-лейтенантском чине. Учитывая неослабевающий интерес к бригу «Меркурий», думаю, что история службы и жизни Дмитрия Петровича Притупова еще найдет своего пытливого биографа.

Штурман Иван Петрович Прокофьев, тот самый, что первым высказался на офицерском совете за бой до последней капли крови, прослужил на Черноморском флоте 45 лет. Впоследствии был участником Крымской войны и обороны Севастополя. Дослужился на флоте до чина полковника корпуса флотских штурманов, что было в то время пределом карьеры для флотского штурмана. Пользовался большим авторитетом и уважением среди сослуживцев. Перед смертью Прокофьев попросил похоронить его рядом со своим командиром, но по каким-то причинам воля бывшего штурмана исполнена не была. В августе 1877 года сын штурмана «Меркурия» капитан 2-го ранга Михаил Иванович Прокофьев (также участник Крымской войны и обороны Севастополя) обратился к главному командиру Черноморского флота адмиралу Аркасу с просьбой о перезахоронении останков отца в склеп у Всехсвятской церкви Николаевского городского кладбища. Установлением памятника на могиле штурмана «Меркурия» занимался лично командующий Черноморским флотом. Севастопольский историк П.А. Денисов написал: «...адмирал Н.А. Аркас счел своим долгом озаботиться, чтобы на могиле этого храброго офицера был сооружен приличный памятник, который мог бы служить доказательством, что подобные заслуги остаются навсегда неизгладимыми в памяти не одних только современников, но и потомства»... По ходатайству Аркаса император разрешил взять из бюджета Морского министерства 1500 рублей на сооружение памятника.

Ныне могилы Казарского и Прокофьева находятся в ограде Всехсвятской церкви Николаева рядом друг с другом. Там же находятся и несколько могил матросов брига «Меркурий», также завещавших положить их после смерти со своим командиром.

Николаевский краевед Татьяна Губская проследила судьбы потомков штурмана Прокофьева. Сын героя «Меркурия» Михаил Иванович Прокофьев имел сына Владимира и дочь Зинаиду. Владимир Михайлович умер в 1911 году. Что касается дочери, то она вышла замуж за черноморского офицера Александра Ивановича Мязговского. Он командовал эскадренным броненосцем «Двенадцать Апостолов», затем был командиром Николаевского порта и николаевским градоначальником. Именно при нем в Николаеве началось строительство новейших дредноутов. В 1919 году Мязговский был расстрелян чекистами. Зинаида Михайловна умерла несколько лет спустя в эмиграции. Последний потомок Прокофьева, сын Александра Ивановича и Зинаиды Михайловны Евгений, в чине лейтенанта погиб во время боя линейного корабля «Евстафий» с германским линейным крейсером «Гебен» в ноябре 1914 года.

Об остальных членах экипажа «Меркурия» у автора сведений нет.

Глава четвертая

Отзвуки победы

Уже через день после знаменитого боя в донесении на имя командующего Черноморским флотом командир «Меркурия» написал: «Имея честь донести вашему превосходительству о деяниях вверенного мне брига, я не имею ни слов, ни возможности описать жара сражения... А еще менее выразить отличную храбрость и усердие офицеров и команды, коих мужеством и расторопностью спасен российский флаг и бриг от неизбежной гибели...» И хотя свое донесение Казарский составил с присущей ему скромностью, известие о небывалой победе маленького, почти безоружного брига над двумя сильнейшими турецкими кораблями облетело всю Россию. Страна ликовала! В те дни газета «Одесский вестник» писала: «Подвиг сей таков, что не находится другого ему подобного в истории мореплавания; он столь удивителен, что едва можно оному поверить. Мужество, неустранимость и самоотвержение, оказанные при сем командиром и экипажем “Меркурия”, славнее тысячи побед обыкновенных».

Будущий герой Севастополя контр-адмирал Истомин о моряках «Меркурия» в одном из своих писем писал так: «Такого самоотвержения, такой героической стойкости пусть ищут в других нациях со свечой...»

Современник писал: «Предпочитая явную смерть бесчестию плена, командир брига с твердостью выдержал трехчасовое сражение со своими исполинскими противниками и, наконец, заставил их удалиться. Поражение турок в нравственном отношении было полное и совершенное. В подвиге брига “Меркурий” проявился вполне дух, господствовавший между всеми чинами флота».

Победа «Меркурия» была настолько фантастична, что некоторые знатоки военно-морского искусства отказывались в это верить. Английский историк Ф. Джейн, узнав о происшедшем сражении, заявил во всеуслышание: «Совершенно невозможно допустить, чтобы такое маленькое судно, как Меркурий, вывело из строя два линейных корабля за четыре часа, даже если бы они вовсе не стреляли. Самым вероятным предположением будет то, что турецкие корабли были фрегатами, выросшими в линейные корабли».

– У страха глаза велики! – рассуждали завистники и недоброжелатели. – Казарскому кораблю линейные просто померещились. Если у турок что-то и было, то в лучшем случае каких-нибудь два фрегата!

Но когда факт блестящей победы официально подтвердила турецкая сторона, и завистники приумолкли.

Накануне Крымской войны 1853–1856 годов в архиве бывшего вице-канцлера Нессельроде было обнаружено и опубликовано письмо, доставленное в Россию секретным агентом. Автором письма был штурман «Реал-бея». Часть письма была посвящена бою «Меркурия». Это письмо было опубликовано в одной из тетрадок журнала «Морской сборник» за 1850 год и стало достоянием российской общественности. Вот что писал турок: «Биюлиман, 27 мая 1829 года. 22-го числа сего месяца мы вышли из пролива, и к ночи, после различных эволюций, мы стали править к “Ost”, чтобы взойти в залив Пендараклии, на встречу одного отряда русского флота. По приходе мы нашли там только один Турецкий фрегат, переделанный из корабля, который был сожжен русскими, немного времени спустя, после спуска его на воду. Русский флот, состоящий из 14 судов, между которыми были шесть линейных кораблей, много потерпел от огня с батарей, как узнали мы от коменданта крепости. Мы пошли снова к проливу, и 25 взяли один 36-пушечный фрегат, который спустил флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне, он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке, имя его Семен

Михайлович, а фрегат называется “Рафаил”. Во вторник, с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских судна: фрегат и два брика; мы погнались за ними, но только догнать могли один брик, в три часа пополудни. Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться, он дрался, ретируясь и маневрируя со всем искусством опытного военного капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Брик сей должен потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на пистолетный выстрел, и он, конечно, еще более был поврежден, если бы капитан-паша не прекратил огня часом ранее нас, и сигналом не приказал нам то же сделать. В продолжение сражения командир русского фрегата говорил мне, что капитан сего брика никогда не сдастся, и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет брик свой на воздух. Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храме Славы. Он называется капитан-лейтенант Казарский, а брик – “Меркурием”; с 20-ю пушками, не более, он дрался против 220 в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Имя Казарского было на устах у всей России. Еще вчера скромный морской офицер, не окончивший даже Морского корпуса, он в один день стал национальным героем. Подвиг «Меркурия» вдохновлял художников и поэтов. Лучшие баталисты страны Айвазовский и Чернецов описывали это событие масляными красками на многометровых холстных полотнах. Известный поэт-партизан, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов посвящал ему возвышенные строки:

Мужайся! – Казарский, живой Леонид,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба отечества щит,
Перун вековой державы!
И гимны победы с ладей окриленных
Пусть искрами брызнут от струн вдохновенных!

Не отставала от России и Европа. Французский сочинитель Сен-Томе откликнулся на победу брига одой «Меркурий».

Многим позднее, когда Казарского уже не было в живых, бывший начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.И. Мелихов в статье в «Морском сборнике» за 1850 год «Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах» написал: «Действия брига “Меркурий” представляют пример отваги, которому подобный едва ли сыщется в летописях морских держав. Мы считаем излишним распространяться о подвиге Казарского, вполне и совершенно оцененном Государем Императором, как то можно видеть из Высочайшего повеления и указов, изложенных в главе 23 и 26 нашего повествования; мы считаем нужным заметить только одно обстоятельство, что нашлись люди, которые сомневались, чтобы действия брига происходили точно так, как они описаны в рапорте Казарского. Но мы и весь флот, выдавший бриг через несколько часов после сражения, можем засвидетельствовать; что в донесении командира брига не было никакого преувеличения; знавшие хорошо покойного Казарского поручаются, что по своей скромности он скорее был способен умолчать о своих действиях, нежели преувеличивать их. Он вполне достоин памятника, воздвигнутого ему в Севастополе его сослуживцами, с соизволения Государя Императора».

А матросы Черноморского флота вечерами на баке уже давно распевали сочиненную ими незатейливую, но искреннюю песню о подвиге брига:

Наш красавец бриг «Меркурий» флот турецкий отразил,
И могучей своей грудью Черно море переплыл.
Все готовы были дружно флаг родной наш отстоять,
И Казарского-героя все приказы исполнять.
В море, встретившись с врагами, наш «Меркурий» не бежал —
Пред турецкими судами, как орел, наш бриг летал.
По волнам морским носился, словно сокол в небесах,
Черно море переходит на всех полных парусах.
Ах, меркурьевские братья, как мы счастливо пришли,
И меркурьевское знамя в Севастополь принесли.
Мы тебя, рыцарь «Меркурий», будем вечно вспоминать.
В наших песнях и повсюду всегда будем вспоминать!

Подвиг брига «Меркурий» уже стал легендой, а его командир – народным героем. 4 июля 1829 года приказом главного командира Черноморского флота от 4 июля было объявлено: «В воздаяние блистательного подвига брига “Меркурий”, вышедшего победителем из беспримерного боя 14 мая им выдержанного против двух турецких кораблей, Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил: командира капитан-лейтенанта Казарского в капитаны 2 ранга, и сверх того кавалером ордена Св. Георгия 4-го класса; лейтенантов Сварятина и Новосильского, мичмана Притулова и поручика корпуса флотских штурманов Прокофьева следующими чинами, и первых орденами св. Владимира 4-й степени, а Прокофьева, как предложившего мужественный совет взорвать бриг, орденом св. Георгия 4-го класса. Всем нижним чинам знаки отличия Военного Ордена. Всем вообще, как офицерам, так и нижним чинам, в пожизненный пенсион двойной оклад жалованья по окладу, какой они получали до настоящего времени. Вместе с тем Его Императорское Величество соизволил отличить и сам бриг, пожалованием на оный Георгиевского флага. А дабы увековечить в роде сих офицеров памятью примерной их храбрости и мужественной решимости на очевидную гибель, Государь Император соизволил повелеть, чтобы пистолет, как оружие избранное ими для взорвания на воздух при невозможности продолжать оборону, был внесен в гербы их».

Отметим, что гербы офицеров «Меркурия» с пожалованными им пистолетами были внесены в десятую часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» и по списку расположены рядом. При этом анализ гербов говорит о том, что до знаменитого сражения «Меркурия» ни у одного из офицеров брига, кроме Казарского, не было настоящего фамильного герба, то есть все они принадлежали к далеко не родовитым дворянским семьям, возможно даже, к однодворцам.

Все пожалованные офицерам «Меркурия» гербы увенчаны дворянским шлемом с короной и тремя страусиными перьями. Сами гербы разделены на три части: верхнюю – синего (морского) цвета и нижние: левую – золотого и правую – серебряного цветов. Верхняя часть гербов у всех «меркурьевцев» одинакова – в синем поле изображен золотой пистолет, а под ним опрокинутая серебряная луна, символы готовности жертвовать жизнью во имя победы над врагом.

Изображения же на двух нижних полях гербов разные в зависимости от должности их владельца. Так, у Казарского в нижнем левом золотом поле изображены переплетенные между собой масленичная и лавровая ветви, а в правом серебряном – бриг «Меркурий» под всеми парусами. Изображение целиком всего брига подчеркивало, что этот герб принадлежит командиру судна. Помимо этого на гербе Казарского нашлось место и родовому знаку дворян Казарских: извивающемуся на красном поле ужу с яблоком во рту и дворянской коро-

ной на голове. У старшего офицера «Меркурия» лейтенанта Новосильского масленичная ветвь в золотом правом поле, а Андреевский флаг в серебряном левом подчеркивал вторую по значимости должность на судне. У второго лейтенанта брига лейтенанта Скарятин, соответственно, внизу помещены масленичная ветвь и якорь. На гербе мичмана Притупова изображена такая же масленичная ветвь славы, а вместо якоря – мачта с распущенными парусами. У штурмана Прокофьева в золотом поле был помещен дуб, а в правом серебряном – венок из лавровой и масленичной ветвей, обрамляющих морской компас.

Помимо всех других наград тогда же Николай I назначил Казарского и флигель-адъютантом, то есть офицером для выполнения особо важных дел и имеющим прямой доступ к императору. Это было со стороны Николая проявлением особого доверия. Тогда же была выбита и специальная памятная медаль в честь этого достославного события.

А 29 июля 1829 года состоялся высочайший указ на имя морского министра: «32-го флотского экипажа 18-пушечному бригу “Меркурий”, за славные подвиги с двумя неприятельскими кораблями, дарован флаг с знаменiem св. великомученика и победоносца Георгия. Мы желаем, дабы память беспримерного дела сего сохранилась до позднейших времен, вследствие сего повелеваем вам распорядиться: когда бриг сей будет приходить в неспособность продолжать более служение на море, построить по одному с ним чертежу и совершенным с ним сходством во всем другое такое же судно, наименовав его “Меркурий”, приписав к тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флаг с вымпелом; когда же и сие судно станет приходить в ветхость, заменить его новым, по тому же чертежу построенным, продолжая сие таким образом до времен позднейших. Мы же желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига “Меркурий” и его никогда во флоте не исчезала, а переходя в род на вечные времена, служила примером потомству».

В живописи наибольшую известность получили картины, посвященные подвигу «Меркурия», написанные И. Айвазовским. В 1847 году Айвазовский получил звание профессора, а в июле 1848 года открылась его юбилейная выставка в Феодосии, где были выставлены его новые произведения, в том числе и картина «Бриг “Меркурий” после победы над двумя турецкими судами встречается с Русской эскадрой». Несколько позднее Айвазовский написал еще одну картину – «Бриг “Меркурий” ведет бой с двумя турецкими судами». Еще раз художник возвратился к теме подвига брига «Меркурий» уже в 1892 году, написав новую картину – «Бриг “Меркурий” атакован двумя турецкими кораблями». Заметим, что на картине «Бриг “Меркурий” ведет бой с двумя турецкими судами» бриг изображен буквально зажатым между двумя турецкими кораблями, на такой «кинжально» малой дистанции, что, будь такое в реальности, он не имел бы никаких шансов уцелеть. До сих пор историки и искусствоведы спорят, специально или нет, художник изобразил «Меркурий» в столь безнадёжном положении. Возможно, он хотел усилить драматизм ситуации, который бы усилил эффект картины и еще более значимо высветил подвиг маленького брига над нависающими над ним громадами линейных кораблей. В разные годы к теме боя брига «Меркурий» обращались и такие известные отечественные художники-маринисты, как Барри, Иванов, Лубянов, Красовский, Чернецов, Печатин. Любопытно, что раму для картины Красовского изготовили из дерева корпуса самого «Меркурия». На картине, авторство которой предположительно принадлежит А. Шифлару, хорошо видно использование экипажем «Меркурия» весел. Отметим и такой факт, что картины боя всех других авторов куда более реалистичны, чем знаменитое полотно Айвазовского.

Спустя некоторое время началось и серьезное историческое изучение боя «Меркурия». Разумеется, главным документом являлся рапорт Казарского. Рапорт командира брига, написанный по форме того времени, как и положено командирскому рапорту, предельно лаконичен. В нем почти не было деталей боя. Как выяснилось позднее, Казарский допустил в своем рапорте и неточность (более чем простительную в его положении!), указав количество ору-

дий у противника в 184, тогда как впоследствии сами турки констатировали, что на обоих их линейных кораблях было 220 пушек. Неточность, которая делает нашу победу еще весомей!

Но были ли еще какие-либо документы помимо рапорта командира? Оказывается, были! Вскоре после боя штурманский кондуктор «Меркурия» Селивестр Дмитриев написал небольшие записки под названием «Из журнала служившего на бригае “Меркурий” в день сражения 14 мая 1829 года», где рассказывается о некоторых деталях сражения.

Во время приезда Казарского в Николаев в 1833 году Дмитриев передал свои записки на суд своему бывшему командиру. Но тот так и не успел дать на них свой отзыв, так как скоропостижно умер. Затем записки Дмитриева были найдены при составлении описи бумаг Казарского и поступили в Петербургский цензурный комитет, где опубликование запретили, мотивируя это так: «Запрещено разглашать подробности о современных военных действиях». Комитет постановил далее направить для предварительного рассмотрения к военному министру. Затем записки оказались в Морском научном комитете. Так как записки были без подписи, поначалу думали, что они принадлежат перу самого Казарского, но после прочтения стало очевидным, что автор записок не командир брига, а один из его подчиненных.

А в сентябре 1834 года выходит специальный циркуляр Главного управления цензуры, извещающий цензоров Минска, Риги, Казани, цензурные комитеты Москвы, Дерпта, Вильно и других городов о запрещении публиковать материалы, связанные с «Меркурием» и Казарским, как материалы, раскрывающие секреты современных боевых действий.

Первым историей боя брига «Меркурий» заинтересовался офицер Балтийского флота капитан-лейтенант Иван Николаевич Суцев. Во время своей службы в 40-х годах XIX века на Средиземном море его много расспрашивали о «Меркурии» и его командире, после чего Суцев и сам заинтересовался боем брига.

«Я часто получал вопросы, – писал впоследствии Суцев, – от английских и французских моряков о русском капитане, который на бригае сражался с двумя линейными кораблями». Когда же Суцев был переведен на Черноморский флот, то занялся сбором информации о деталях знаменитого боя, изучая документы и записывая рассказы его участников. К сожалению, завершить свой труд Суцев так и не смог. Командуя корветом «Оливуца», он совершил плавание из Кронштадта в Петропавловск-на-Камчатке и там трагически погиб в сентябре 1851 года.

В 1853 году записки Суцева о Казарском попали в руки историку флота капитан-лейтенанту Александру Петровичу Соколову. Имея доступ в архивы, Соколов дополнил материалы Суцева новыми документами. Нашел он и безымянный «Журнал служившего на бригае “Меркурий”».

С этим «Журналом» Соколов отправился к вице-адмиралу Новосильскому, бывшему в 1829 году лейтенантом на «Меркурии». Новосильский прочел «Журнал» и сразу же, не задумываясь, назвал его автора – штурманского кондуктора Силивестра Дмитриева. Достоверность статьи и авторство Дмитриева Новосильский засвидетельствовал подписью.

Вскоре подборка документов о бое брига «Меркурий» была наконец-то опубликована в журнале «Морской сборник» и стала достоянием российской общественности. На собранных Суцевым и Соколовым материалах и основываются в своих работах о «Меркурии» все последующие историки.

Подвиг брига «Меркурий» был увековечен и в названиях еще нескольких кораблей отечественного флота. Разумеется, что повеление Николая I строить суда по чертежам легендарного «Меркурия» выполнить не могли. Время и технический прогресс диктовали свои правила. Поэтому спущенный на воду в 1865 году корвет Черноморского флота был назван «Память Меркурия». После его списания в 1883 году с николаевских стапелей сошел на воду крейсер «Память Меркурия», а в 1907 году еще один из новейших крейсеров Черноморского флота был назван этим именем. В советское время название «Память Меркурия» носило

гидрографическое судно Черноморского флота. Именем капитана 1-го ранга А.И. Казарского был в свое время назван бриг Балтийского флота, а затем и минный крейсер Черноморского флота. Остается надеяться, что имена «Меркурия» и его доблестного командира в скором времени снова появятся на борту кораблей российского Черноморского флота.

Глава пятая

Побратимы «Меркурия»

В истории отечественного парусного флота было немало случаев, когда наши суда, подобно бригу «Меркурий», принимали вызов противника, невзирая на его полное превосходство в силах. Итоги этих отчаянных схваток были различными. Порой дерзость и мастерство обеспечивали им победу, порой они терпели поражение, но даже враг признавал их доблесть и отвагу. Вот некоторые характерные примеры героических подвигов наших моряков.

* * *

Во время Русско-французской войны 1805 года в Средиземное море была направлена эскадра вице-адмирала Сенявина, усиленная несколькими судами Черноморского флота. Боевые действия с французскими войсками, которыми командовал генерал Мармон (будущий маршал), он вел в Адриатику побережья Далмации. Стремясь взять главный форпост французов – порт Рагузу в блокаду, Сенявин захватывает два близлежащих острова – Курцало и Брацо. В охранение островов был определен отряд капитана 1-го ранга Гетцена. Однако спустя некоторое время Сенявин был вынужден отозвать суда Гетцена для участия в другой операции. В прикрытии островов был оставлен черноморский бриг «Александр» под командой лейтенанта Скаловского.

Мармон был вне себя от известия о потере Курцало и Брацо.

Командующий французским корпусом, узнав об отходе отряда Гетцена, принял решение об атаке и захвате одинокого дозорного брига.

Уже затемно к «Александру» подвалила рыбацья фелука. Забравшийся на борт бородастый рыбак с тревогой сообщил Скаловскому, что сегодня поутру, покидая Спалатро, обратил внимание на суету на французских судах.

Французы между тем уже заканчивали последние приготовления к выходу. Для операции Мармон определил три канонерские лодки (каждая по две 18-фунтовых пушки), да тартану «Наполеон» с двумя восемнадцатифунтовыми орудиями в носу и шестью двенадцатифунтовыми по бортам. Сил для захвата старенького брига было определено более чем достаточно. Командира отряда Мармон инструктировал лично.

Вскоре французский отряд, неся все возможные паруса, уже спешил к лежавшему в дрейфе русскому бригу.

В одиннадцатом часу с дозорного барказа были усмотрены неприятельские суда, быстро спускавшиеся строем фронта. Немедленно известив Скаловского об увиденном выстреле из фальконета, гардемарин Ушаков повернул барказ обратно под защиту бригаовских пушек. Тем временем «Александр» уже вступил под паруса, и подошедший барказ поднимали уже на ходу. Скаловский ждать врага не желал, а сам поспешил ему навстречу!

– Иван Семенович! По числу пушек и калибрам мармонцы превосходят нас пятикратно! – опустил зрительную трубу мичман Мельников.

– Это даже неплохо! – отозвался Скаловский. – Чем сильнее неприятель, тем почетней победа! Наш козырь – пистолетная дистанция и маневр!

Командир брига поднял голову вверх. Эка напасть! Будто нарочно упал ветер! А ведь французы имеют весла. Это еще больше осложняло ситуацию.

Французские суда приближались, стремясь охватить бриг со всех сторон. Чтобы ускорить маневр, яростно гребли, надеясь свалиться на бордаж. Скаловский же, в свою очередь, как мог, избегал рукопашной схватки, в то же время стремясь держать противника на мини-

мальной дистанции, где его мелкие пушки могли конкурировать с крупнокалиберными орудиями французов. Дело это было весьма непростое, но иначе было нельзя.

Первыми открыли пальбу французы. Ядра с посвистом легли позади брига.

Наши сближались с французами молча, как это было всегда принято в русском флоте. И только тогда, когда «Александр» сошелся с неприятельскими судами вплотную, Скаловский велел разом разрядить все орудия. Первый залп оказался на редкость точным. Ядра прошили канонерскую лодку насквозь... Проба сил состоялась.

В течение первого часа боя «Александр» успешно отбивал все атаки правым бортом. Французы же, со своей стороны, все время стремились обойти бриг сразу с двух бортов. Наши пока уворачивались, но предательски быстро стихал ветер. В конце концов сразу двум канонеркам удалось зайти в корму русскому бригу. Противник «с великою жестокостью производил со всех лодок пушечную и ружейную пальбу». Продольные залпы тяжелых французских пушек в несколько минут вдребезги разнесли корму брига. Положение складывалось самое критическое. И все же Иван Скаловский нашел выход!

По приказанию командира мичман Мельников сумел под огнем спустить на воду судовой барказ. Став на шпринг и подцепив «Александр» на буксир, он сумел развернуть бриг бортом к неприятелю. Положение было восстановлено.

Вот французы предпринимают очередную атаку. Угадав и в этот раз направление их удара, Скаловский дает команду на барказ. Мельников машет в ответ шляпой (мол, понял) и сразу же разворачивает бриг в нужном направлении. Залп! Французы отходят, сбивая пламя с парусов. В это время следует новая команда, и «Александр» уже развернут другим бортом ко второй паре канонерок. Так, вертясь волчком, Скаловский успешно отбивался еще в течение двух долгих часов. Над морем была уже ночь, но ярко светила луна, и противоборствующие стороны не думали прекращать выяснение своих отношений. Сражаясь сам, Скаловский одновременно пресекал все попытки французов добраться до надоевшего им барказа.

История оставила нам многочисленные примеры мужества команды «Александра» в том достопамятном бою. Отважно сражался канонир Афанасьев. Тяжело раненный в ногу, он тем не менее вернулся к своему орудию и продолжал оставаться подле него на всем протяжении боя. Не покинул своего поста, будучи раненным, матрос Устин Федоров и многие иные. Храбро стрелял по противнику из мушкета судовой лекарь Ганителев, а когда на борту появились раненые, он «с таковым же усердием, рачением и неустрашимостью имел попечение» и о них. Примерную храбрость показал подштурман Корольков, который в течение всего сражения командовал двумя орудиями, «действуя оными с успехом и отличием».

Особенно запомнились участникам боя бесстрашие и мужество судового юнги. Имя его осталось не известным потомкам, а жаль! Невзирая на смертельную опасность, мальчишка от первой до последней минуты боя заряжал пушку, повиснув за бортом на виду неприятеля... Но подобные примеры храбрости на «Александре» не удивляли никого, ибо героями были все! Пример в том подавал сам командир. В парадом мундире, надушенный и при орденах, он распоряжался спокойно и четко, словно на учениях. Ни одного бранного слова, ни одного окрика не слышали от него в тот день матросы. Казалось, что он находится не под ядрами, а на каком-то рауте.

Не раз и не два пытались французы взять на abordаж упрямый бриг, и всякий раз неудачно. Но вот меткий выстрел с «Александра» поразил одну из канлодок прямо в крюйт-камеру. Раздался оглушительный взрыв. Над волнами встал столб огня и дыма. Когда пелена рассеялась, на месте канонерской лодки плавали только обломки рангоута и несколько чудом оставшихся в живых человек. Чадили дымами пожаров и другие французские суда. Темп их стрельбы сразу же заметно упал. А Скаловский все наращивал и наращивал темп огня.

Меткость русских пушек была поразительной. Вот где сказались долгие месяцы тренировок, которыми Скаловский так изнурял команду.

Уже под утро, окончательно убедившись в том, что пленить русский бриг не удастся, французы повернули вспять. Казалось бы, бой выигран, чего же еще? Но не таков был лейтенант Иван Скаловский, чтобы останавливаться на полпути!

– В погоню! – велел он.

И произошло самое настоящее чудо: маленький бриг погнал впереди себя три вражеских судна, каждое из которых превосходило его в силе. Воистину, небывалое бывает! Нагоняя неприятеля, «Александр» отворачивал в сторону и разряжал борт по концевой канонерке. Видя, что от брига отбиться не так-то просто, французы изо всех сил налегли на весла и только тогда смогли оторваться от преследования.

– Подсчитать потери! – распорядился лейтенант.

– Четверо побитых и семеро раненых! – доложили ему.

С многочисленными пробоинами в корпусе и разбитой кормой «Александр» вернулся на свое исходное место между островами.

А в это время на виду Спаларто медленно тонула вторая французская канонерка. Все попытки довести ее до порта оказались безуспешными: едва успели снять людей. В Спаларто два последних судна встречал сам Мармон. Внезапно на глазах у потрясенного генерала стал тонуть и «Наполеон». Тартану спасли, только успев выбросить ее на ближайшую отмель. Восстановлению она уже не подлежала. Незадачливого «Наполеона» ожидала разборка на дрова...

Прямо на причальной стенке Мармон отобрал у командира отряда шпагу и отправил под арест.

Боясь наполеоновского гнева, Мармон строжайше запретил всякое упоминание о позорном деле у острова Браццо. Рассчитывается, что все забудется само собой. Но шила, как известно, в мешке не утаить. Осведомители Наполеона работали прекрасно, и вскоре император уже знал все о бесславной потере трех своих судов и более двух сотен солдат. Особенно неприятен был для императора тот факт, что победитель в сражении звался «Александром», а побежденный флагман – «Наполеоном».

– Отныне я запрещаю давать свои имена любым суднам! – велел он своему адъютанту генералу Лористону. – Так будет спокойней!

А русский бриг, сменившись с дозора, уже стоял на рейде Боко-ди-Катторо. Было крещение, и все праздновали. На российской эскадре гремели орудийный, а затем и ружейный салюты. Греки были в восторге, видя столь явное торжество православной веры.

По приходе в порт «Александра», на его борт немедленно прибыл Сенявин. Приняв рапорт об итогах сражения, он горячо благодарил команду за верность присяге, храбрость и молодечество.

В тот же день Сенявин составил подробный доклад о подвиге брига на имя морского министра Чичагова: «...Не могу умолчать, чтоб не доложить о похвальном поступке лейтенанта Скаловского, командующего бригам “Александр”, оказанном при сражении 16 декабря 1806 года с французскими канонерскими лодками. По прибытии брига “Александр”... я сам видел, сколько избиты у него корпус, особливо корма, весь такелаж и паруса картечами и пулями, и даже невероятно, что при таком жестоком сражении на бригае убито 4, да раненых 7 человек. Все сие я не могу иному причесть, как особой расторопности, мужеству и храбрости лейтенанта Скаловского».

А потом был праздничный крещенский обед. Матросам накрыли столы на улице, офицерам – в помещении. Офицеры пили за здоровье адмирала, потом отличившихся товарищей. При этом все подходили поздравить героя дня. Наконец поднялся и сам Сенявин:

– Здоровье храброго лейтенанта Скаловского, командира брига «Александр»!

Разом вознеслись ввысь пенные кубки. Офицеры кричали дружно:

– Ура, Скаловский!

«Выстрелы полевой артиллерии громом подтвердили достойные заслуги сего храброго офицера...» – писал об этих незабываемых минутах один из очевидцев.

За мужество в сражении при острове Браццо лейтенант Иван Скаловский был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в следующий чин вне линии. Случай для того времени весьма нечастый. Но ведь по подвигу и награда! Мичман Григорий Мельников, который, «будучи особенно от прочих офицеров рекомендован за то, что он почти во все время сражения, находясь на шлюпке, буксировал ею брига для необходимо нужных в то время ему поворотов», получил орден Святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом, а остальные офицеры – мичман Ратченко, лекарь Ганителев и штурманский помощник 14-го класса Корольков – ордена Святой Анны 3-й степени.

Впоследствии именно Скаловский станет командиром и учителем лейтенанта Казарского в бытность службы того на фрегате «Евстафий». И как знать, не пример ли Скаловского возбудит Казарского на поединок с двумя линейными кораблями противника?

Сам Скаловский в войне 1828–1829 годов покажет себя талантливым флотоводцем, уничтожив отряд турецких кораблей при Пендераклии, дослужится до адмиральских эполет.

* * *

В 1807 году, после поражения от Наполеона при Фридланде, Россия была вынуждена подписать параграфы унижительного Тильзитского мира, согласно которому присоединилась к континентальной блокаде своего недавнего союзника Англии. Это вызвало начало войны между недавними союзниками. Англия ввела в Балтийское море эскадру, которая начала боевые действия против нашего Балтийского флота.

К этому времени наши армия и флот успешно дрались против шведов и взяли приморскую крепость Свеаборг.

С появлением английской эскадры из Свеаборга в разведку были направлены корвет «Шарлотта» с тендером «Опыт». Неподалеку от Гангута они обнаружили английские корабли. После этого «Шарлотта» осталась сторожить противника, а «Опыт» поспешил в Свеаборг, чтобы сообщить о появлении британского флота у наших берегов. Передав сообщение, командир тендера лейтенант Невельской получил приказание вновь выйти в море, чтобы вернуть в базу дозорный корвет, ибо нахождение последнего вблизи значительных сил противника становилось опасным. Командир «Шарлотты» к этому времени убедился в том и сам, а потому корвет, не дожидаясь приказа сверху, успел укрыться от неприятеля в Балтийском Порту (ныне город Палдиски в Эстонии). Не найдя «Шарлотты», Невельской из-за сильной пасмурности внезапно оказался нос к носу с английским фрегатом «Сальстет».

Из воспоминаний отставного генерал-майора Баранова, бывшего в этом бою на «Опыте» гардемарин: «Утром 11 июня, выйдя из Свеаборга при тихом переменном ветре, ясном небе и пасмурности по горизонту, мы увидели через несколько часов трехмачтовое судно, близь того места, где должны были найти корвет “Шарлотт”. Пасмурность лишила нас возможности отличить неприятельский фрегат большого ранга от своего корвета, бывшего прежде французским приватиrom и купленного нами за его отличные качества... Припоминая опытность капитана и верность его морского взгляда, не смею утверждать, вполне ли умышленно мы приближались к ждавшему нас противнику; но когда нельзя было сомневаться, что это не корвет “Шарлотт”, а сильный неприятельский фрегат, то сделав опознавательный сигнал и не получив на него ответа, мы, по приказанию командира, положив сигнальные флаги и книги в ящики, наполненные песком, бросили их за борт и приготовились к бою. Спустя несколько времени, неприятельский фрегат, сблизясь с нами, сделал пушечный выстрел и поднял английский флаг. Мы же медлили поднятием своего флага и эти минуты были самыми тягостными! Фрегат повторил еще холостой выстрел и вслед за тем послал

нам выстрел с ядром. На это приветствие командир приказал тотчас ответить тем же и поднять наш флаг. С тендера раздался выстрел 12-фунтовой коронады, на ноке гафеля развился русский военный флаг; томительное ожидание кончилось! Все ожило, все встрепелось; каждый старался употребить все свои силы и способности на поражение неприятеля, хотя бой был далеко не равен...»

Даже с первого взгляда было ясно, что расклад сил далеко не в пользу маленького «Опыта». Против сорока четырех тяжелых орудий «Сальстета» у Невельского было всего полтора десятка мелких пушек. Против четырехсот матросов «Сальстета» на «Опыте» не было и пятидесяти. У Невельского даже не было подчиненных офицеров. Вместо них двое мальчишек-гардемаринов, бывших в плавании практикантами на офицерских должностях.

С фрегата сигналом потребовали немедленной сдачи. Уверенные в удачном захвате посыльного судна, англичане сгрудились на палубе, размахивая руками.

Лейтенант Невельской выбрал бой. Над посыльным суденышком дерзко взлетел ввысь красный стеньговый флаг. Маленький тендер бросал вызов своему грозному противнику. Даже без зрительной трубы было видно, как врассыпную бросились к орудиям английские матросы. Палуба «Сальстета» в мгновение опустела.

Первым открыл огонь «Сальстет». Минуту спустя ответил и «Опыт». Неравный поединок начался. Малый ветер не уносил дыма, и вскоре противники только по вспышкам выстрелов определяли местонахождение противника.

Из воспоминаний участника боя Баранова: «Будучи гардемаринком на тендере и в самом начале первой моей кампании, я солгал бы, если бы стал рассказывать обо всех направлениях и переменах курса; знаю только, что мы изменяли его не редко. Ветер был тих и переменялся очень часто. Догнал ли нас фрегат, или мы подошли к нему, также не могу сказать утвердительно; но твердо помню, что мы сблизились, – и фрегатские ядра стали перелетать чрез наш тендер, повреждая его рангоут. Впоследствии и наши ядра стали долетать до фрегата. Мы не скупилась на выстрелы, и бой сделался жарким! Но ветер стих; тендер имел большие повреждения в корпусе и вооружении, и потому командир приказал прекратить стрельбы и выкинуть весла. Как теперь вижу артиллерийского бомбардира, просившего позволения наложить фитиль на коронаду, говоря, что она уже наведена на фрегат; позволение дано, выстрел раздался; но в то же мгновение неприятельское ядро раздробило ногу храброму артиллеристу гораздо выше колена. Упав, он на руках и остальной ноге дополз до фор-люка, спустился на кубрик и не доверяя операции лекарскому ученику, неопытному мальчику, сам отрезал висевшую на жилах, свою раздробленную ногу...

Действие веслами во время штиля и маловетрия дало тендеру ход до 4 1/2 узлов. Фрегат, лежащий с нами борт о борт, стал отставать и, очутившись у нас за кормой, приводил лагом, палил залпами и, наконец, ядра его не стали долетать до нас. Нарген был близок. Мы спешили на Ревельский рейд, а впоследствии даже к ближайшему берегу. Уже мечтали мы, с каким восторгом будем рассказывать о нашем деле товарищам, а те из нас, которые были свободны от дела, собравшись у гака-борта, прокричали с командою троекратное “ура”, махнув шляпами отставшему от нас неприятельскому фрегату. Но радость наша была слишком преждевременна! Впереди тендера появилась черная туча, мгновенно налетел шквал и изстреленные паруса разлетелись на части. Тендер сильно накренило; подветренные паруса забуровали; иные сломались, другие надобно было перерубить, чтобы не отнимали ходу и не препятствовали править рулем. Из 14 коронад многие были подбиты; снасти и реи избиты; тендер расстрелян; люди изнурены до крайности 4-х часовым действием. Фрегат, убрав бомбрамсели и брамсели, грот и фок, подошел к нам менее, нежели на ружейный выстрел, спустился под корму, дал два залпа из шканечных и баковых орудий, разбил штурвал, убил и изувечил несколько человек из команды, лег в дрейф близь правого нашего траверза и потребовал немедленной сдачи...»

К этому времени на «Опыте» уже оставалась целой единственная пушка, а в живых не более десятка человек. Самому Невельскому ядром отшибло нижнюю челюсть. Он упал, но затем, опершись рукой о палубу и замотав голову окровавленным шарфом, продолжил, как мог, командовать боем. Разговаривать Невельской уже не мог, ибо рот превратился в одну сплошную рану. «Приготовиться прорубить днище!» – написал он свинцовым карандашом на клочке бумаги боцману.

Тот понимающе кивнул и, вооружившись топором, спустился в трюм.

Несколько раз ядрами сшибало кормовой флаг, а потому Невельской велел прибить его гвоздями. Но вот после очередного фрегатского залпа отшибло ствол последней пушки.

Из воспоминаний участника боя отставного генерал-майора Баранова: «Подошедшие офицеры представили ему (Невельскому. – *В.Ш.*), что дальнейшее упорство с нашей стороны без всякой пользы, повлечет за собой неминуемую гибель остальных людей, которые храбростию своею и беспрекословным исполнением воли командира, вполне заслуживают, чтоб была спасена жизнь их. Действительно, все убеждало в бесполезности и даже невозможности дальнейшего сопротивления; тем более, что жестокая рана лишала нашего капитана возможности непосредственно участвовать в деле. Исполнив до последней минуты все, что требовал долг чести, решено было сказать фрегату, что мы прекращаем действие... Горькая подобная минута! Мы сознавали, что исполнили долг свой, а между тем по лицам нашим, закопченным дымом пороха, катились слезы глубокой грусти! Нам велено было спустить флаг. Но флаг, у которого сигнальный фал перебило еще в первую перестрелку, привязан был наглухо к ноку гафеля, оставшемуся на одном дирик-фале, потому что гордень также была перебита (грот, расстрелянный ядрами и картечью, разорван был пополам нашедшим шквалом). Мы отвечали, что флага нельзя спустить; тогда потребовали, чтоб мы разостлали английский флаг по борту, что и было исполнено в 11-м часу вечера».

Впрочем, существует мнение, что Невельской преднамеренно отказался спускать Андреевский флаг и не поднял английский. Это означало, что тендер официально так и не был сдан, а захвачен с боя.

К разбитому и беспомощному «Опыту» от борта «Сальстета» уже спешили шлюпки с абордажной партией. Когда они вступили на тендер, их взгляду предстала страшная картина: вся палуба была завалена мертвыми телами. Среди павших находились несколько раненых, готовых отбиваться тесаками и отпорными крюками. У матросов не оставалось даже пуль! Впереди всех, широко расставив ноги, стоял лейтенант Невельской. С оторванной челюстью и свисающим вниз языком он был ужасен. Скрестив руки на груди, командир «Опыта» молча смотрел на своего противника.

Офицер абордажной партии демонстративно бросил саблю в ножны:

– Мы, англичане, умеем ценить истинную доблесть, а потому прошу быть вас на борту нашего фрегата не пленниками, а гостями!

Жестом Невельской показал, что иного выхода у него попросту не было.

Когда раненых «опытовцев» перетаскивали на «Сальстет», те успели разглядеть десятки мертвых тел, уложенных рядами на шканцах, рванный такелаж, разбитые пушки и развороченные ядрами борта.

Из воспоминаний отставного генерал-майора Баранова: «Нельзя не вспомнить о редком бесстрашии и хладнокровии особенно отличившихся в этом деле: товарища моего по корпусу, бывшего тоже гардемаринном на тендере, а ныне отставного флота капитана 1-го ранга Сухонина; штурманского помощника унтер-офицерского чина, впоследствии умершего на службе корпуса флотских штурманов капитаном, Халезова; и старшего нашего артиллериста, бывшего унтер-офицером, а ныне начальника морской артиллерии в Ревеле, полковника Федотова – старавшихся, все до сего усердно ими хранимое, бросать за борт и портить, чтоб не досталось неприятелю. Посланные с английского фрегата шлюпки с офи-

церами, вооруженными солдатами и матросами, у всех нас, кроме капитана, отобрали оружие; капитану же присланный с фрегата лейтенант объявил, что он не считает себя вправе взять саблю от такого храброго офицера и что только один капитан его фрегата может получить ее. Первыми были перевезены: командир и раненые, а потом уже остальная команда».

Характерно, что англичане послали с призовой командой своего врача.

Историческая хроника гласит, что героическая и отчаянная защита «Опыта» внушила англичанам столь сильное уважение к команде тендера, что все оставшиеся в живых во главе с Невельским были почти сразу освобождены от плена и переправлены на берег. При этом Невельской оказался на высоте и здесь! Он наотрез отказался давать капитану «Сальстета» Баттосу за себя и за своих подчиненных расписку о дальнейшем неучастии в боевых действиях. Англичане повозмущались, но возиться с остатками перераненной команды у капитана Баттоса охоты не было никакой. Раненых хватало и своих! А потому спустя несколько дней команда «Опыта» была высажена на берег у Либавы.

Что, касается «Опыта», то вконец разбитый тендер англичане передали своим союзникам шведам.

Любопытно, что узнав о подвиге «Опыта», император Александр распорядился никогда более не назначать Невельского ни к кому в подчинение, а предоставлять ему, по излечении, только самостоятельное командование кораблями. Попадание его в плен, велено было не считать препятствием к получению Георгиевского креста. Офицеры «Опыта» за совершенный подвиг получили годовой оклад жалованья, а гардемаринам от «монарших щедрот» было выдано по сто рублей ассигнациями. Что касается матросов, то им было убавлено по несколько лет службы, и они были определены служить в загородные дворцы и на придворные яхты.

Дерзкое поведение маленького тендера наглядно показало всем, что легких побед у англичан на Балтике не будет, зато крови может пролиться немало.

* * *

С началом войны с Турцией в 1853 году командованием Черноморским флотом был сформирован отряд судов для защиты Черноморского побережья Кавказа. В состав этого отряда был определен и 44-пушечный фрегат «Флора» под командой капитан-лейтенанта Скоробогатова.

6 ноября в полдень по приказу командира «Флоры» штурман взял пеленги Гагры и пицундского храма, а еще через несколько часов записал в шканечном журнале: «Увидели дым. Идут три трехмачтовых парохода, коим сделали опознавательный сигнал». День выдался малооблачный, и видимость на море была хорошая. Пароходы, густо пачкая небо дымом, шли на ОСО и не отвечали на поднятые позывные и сигнальную пушку. Вначале еще была слабая надежда, что обнаруженные пароходы наши, но вскоре они отпали. Это были не маленькие серебряковские пароходики, что возили почту и грузы между кавказскими портами, а мощные турецкие пароходо-фрегаты, те самые пароходы, о которых Корнилов не так давно получил сведения от купцов, те самые, которым благодаря силе пара удалось проскочить мимо Нахимова, добраться до кавказского берега и выгрузить там боевые припасы. Теперь, выполнив свою главную задачу, пароходо-фрегаты решили произвести набег на Сухум-Кале, который на тот момент был почти беззащитен. Обнаруженный одинокий фрегат заставил их тут же изменить курс. Теперь все три парохода, прибавив ход, держали прямо на «Флору».

Через несколько минут старший офицер фрегата лейтенант Владимир Шмидт классифицировал их как «Таиф» (22 пушки), «Фейзи-Бахри» (20 пушек) и «Саик-Ишаде» (20 пушек).

Барabanщик пробил тревогу, горнист сыграл «все к орудиям». В открытые порты высунулись орудийные стволы. Корабельный батюшка отец Илларион торопливо отчитал молитву и пошел по орудиям, окропляя их святой водой.

По старой традиции, собрав офицеров, командир изложил свой план боя, предупредив, что сдачи фрегата не будет ни при каких обстоятельствах. Впрочем, иных мнений и не было. В крют-камере на бочку с порохом положили заряженный пистолет. Последний оставшийся в живых офицер должен был взорвать «Флору». Так поступали их старшие товарищи, так поступать и им...

Пароходы тем временем, прибавив ход, вышли на траверз фрегата. Слэйд и Мустафa-паша считали «Флору» не таким уж серьезным противником и торопились разделаться с ней до наступления темноты. Солнце уже начало клониться к горизонту, когда все три парохода соединились на подветренной стороне «Флоры» и по сигналу с головного «Таифа» открыли огонь. Первый залп лег с большим недолетом, но затем турки быстро выправили прицел, и уже второй залп дал накрытие. Сразу с десятков ядер легли рядом с бортом фрегата, обдав брызгами наших моряков.

Скоробогатов, впрочем, тоже время зря не терял – фрегат подвернул под ветер и, обратив к неприятелю борт, дал, в свою очередь, полновесный залп. Из двадцати пущенных в турок ядер как минимум пять поразили цель. Даже без зрительной трубы было видно, как разлетается щепа от паровых бортов.

Получив сдачи, турки изменили тактику. Кильватерный строй пароходов распался. Теперь, пока два пароходо-фрегата удерживали «Флору» на старом курсе, концевой «Саик-Шкаде» подвернул, чтобы пройти за кормой «Флоры» правым бортом.

Однако, вовремя угадав маневр, Скоробогатов буквально перед самым носом турок успел повернуть фрегат через фордевинд. Турецкие пароходы снова оказались с левого борта, причем весьма тесно друг к другу, и «Флора» тут же накрыла их полновесным залпом. Пароходы разбежались в стороны. После этого командующий турецким отрядом снова решил повторить маневр охвата, прорезав курс фрегата перед его носом и поставив под продольный огонь. С «Флоры» увидели, как над трубами пароходов вырвались черные густые клубы дыма – знак того, что те форсируют ход. Дым низко стелился над морем и заходил в паруса «Флоры».

Снова предугадывая маневр пароходов, Скоробогатов успевает спуститься под ветер. Снова в самый последний момент фрегат вырывается из смертельных объятий противника. При этом «Флора» открывает частый огонь. В течение последующих двадцати минут на ее палубах стоит непрерывный грохот канонады. Удачный маневр и бешеный огонь и на этот раз вынуждают турок отойти. Даже без зрительной трубы видно, как турки тушат пожары, растаскивают мертвых и раненых. Однако и «Флора» получает приличную пробоину у первого пояса меди под фор-русленем.

После этого в сражении наступает пауза. Пароходы, отойдя за предел огня, сближаются между собой. На их мостиках что-то кричали и отчаянно размахивали руками капитаны. Турки о чем-то совещались.

Уже в вечерних сумерках турецкие пароходы возобновили свои атаки. Фрегат по-прежнему лавировал на разных галсах, артиллерия действовала с ужасающей турок точностью и недостижимой для них скорострельностью. Вот когда сказались годы и годы морской учебы и ведра пролитого пота.

Как ни старались турки зайти то с носа, то с кормы «Флоры», но всякий раз оказывались против ее бортовых батарей и получали полновесные залпы. И снова пароходы, как и в первый раз, вынуждены отойти от «Флоры». Над фрегатом стояло дружное «ура». Однако Скоробогатов понимал – радоваться еще рано. Турки все еще не отказались от попыток уничтожить непокорный фрегат.

Третий, и последний, акт драмы начинался уже почти в темноте. Первым в атаку устремился «Таиф». На этот раз, в отличие от предыдущих атак, турки не палили издали, а сближались молча. Над хищным черным корпусом парохода-фрегата клубился черный дым.

Сблизившись на дистанцию в двести сажень, «Таиф» отвернул в сторону и дал залп всем бортом из бомбических орудий. Стремясь лишить фрегат возможности управляться, турки целили в рангоут. Матросы «Флоры», балансируя под ядрами и бомбами на реях, сплескивали рваные снасти и наскоро накладывали биттинги на перебитую стенгу.

Положение «Флоры» было почти критическим, но вопреки самым худшим предположениям Скоробогатова два других парохода, тоже имеющие по десятку бортовых бомбических орудий, ничего особенного против «Флоры» не замыслили. Они просто не решились выйти на линию своего флагмана, а занимались устранением понесенных повреждений. Едва это стало Скоробогатову понятно, как он тут же подвернул «Флору» борт в борт к «Таифу».

После получасовой дуэли «Таиф», потеряв половину прислуги у пушек, вынужден прекратить бой.

Пачкая дымом небо, он отвернул в сторону. Отойдя на безопасное расстояние, «Таиф» лег в дрейф. Невдалеке слегка дымили остальные пароходы. Было очевидно, что турки просто не знают, что им делать дальше. Впрочем, из-за маловетрия «Флора» все равно не могла взять инициативу в бою на себя, так как едва могла под всеми парусами выжать каких-то полтора узла. Суть маневров «Флоры» по-прежнему заключалась в том, чтобы держать пароходы против своего борта и не давать им возможности окружить ее с разных сторон. Благодаря искусству командира и молодечеству команды цель эта была достигнута самым блестящим образом, и вечерний бой остался за нами.

— Команде ужинать! Господ офицеров прошу в кают-компанию! Вахтенному офицеру не спускать глаз с турок. При малейшем движении немедленно докладывать мне! — распорядился Скоробогатов.

Ужинали, а точнее уже вечеряли, с шутками и смехом, вспоминая забавные моменты богатого событиями дня.

Их хроники сражения: «В 12 милях от берега встретили они, 9 ноября, почти при штиле, на высоте укрепления Пицунда, 44-пушечный фрегат “Флора” под командою Скоробогатова, плывшего из Севастополя в Сухум. На сделанный с фрегата опознавательный сигнал неприятель не дал ответа, но, выстроившись в линию и, скрыв огни, взял курс к фрегату, немедленно приготовившемуся к бою. Пароходы направились к носовой части фрегата и открыли пальбу, но он успел уклониться под ветер и не допустить неприятеля поражать его продольным огнем. Вместе с тем с левого борта, повороченного этим маневром к неприятелю, фрегат открыл батальный огонь, продолжавшийся 20 минут. Огонь был так меток, что неприятель прекратил пальбу и отступил из-под выстрелов. Пароходы съехались для совещания, продолжавшегося 10 минут, коими Скоробогатов воспользовался, чтобы заделать пробоину и стать в свое первоначальное положение. Пароходы возобновили атаку по тому же направлению, как в первый раз, и вновь открыли огонь. Фрегат ответил на вторую атаку повторением первого маневра и батального огня с того же левого борта. Огонь продолжался 30 минут. По прошествии их, пароходы опять отступили. Таким образом, повторяли они свои нападения от 2 до 6 часов пополудни, после чего остались вне выстрелов до рассвета. Фрегат поворотил к берегу».

К полночи совсем заштилело. Вымпела повисли безжизненными тряпками. Невдалеке мерцали фонари на ноках мачт турецких пароходов. Слышно заунывное пение — это муллы читают молитвы над убитыми. Турки не ушли, а это значило, что они еще не оставили надежд на победу.

Скоробогатов мерил шагами шканцы, и мысли у него были далеки от радостных. Опытный моряк, капитан 2-го ранга прекрасно понимал, что при лучшей выучке турецких команд, при лучшем знании дела турецких командиров «Флора» была бы давно уничтожена. Увы, реалии таковы, что парусному судну крайне сложно тягаться в маневренном бою с паровым. Это был факт, и оспаривать его было бессмысленно. Был бы хороший ветер, еще можно было бы поспорить, а при безветрии все козыри у противника. Утро следующего дня – это новый бой, и кто знает, как он сложится, во всяком случае, и он и команда будут драться до конца, а в кюйт-камере по-прежнему лежит заряженный пистолет.

С восходом солнца турецкие пароходы поднимают пары. Бой возобновился. Вскоре невдалеке показалась под берегом наша шхуна «Дротик».

На шхуне к этому времени поняли, что вляпались. «Дротик» прибавил парусов, выставил весла и поспешил уйти. Но турки его уже заметили. Посчитав шхуну куда более легкой добычей, чем «Флора», сразу два турецких парохода устремились за легкой добычей. Фрегат оказался снова один на один с «Таифом». Турецкий флагман кинулся в атаку, но был встречен, как обычно, бортовым залпом.

Спасая «Дротик», Скоробогатов развернул «Флору» правым бортом к адмиральскому пароходу и открыл беглый огонь. Первые ядра легли с недолетом, зато остальные нашли свою цель.

Наши артиллеристы действовали на этот раз особенно хладнокровно, а потому огонь их был исключительно точен. Более половины ядер нашли себе добычу. «Таиф» отпрянул в сторону со сбитой мачтой, изрешеченной трубой и разбитым колесом. Более продолжать бой он был уже не способен. Теперь турецкому адмиралу впору было уже думать не о нападении, а о спасении. И он свой выбор сделал. С «Таифа» пальнула сигнальная пушка, возвращая ушедшие пароходы из погони. Так и не догнав «Дротик», пароходо-фрегаты разом отвернули в сторону. Подойдя к беспомощно парящему «Таифу», они завели буксир и потащили за собой свой незадачливый флагман. Теперь Мушавер-паше было уже не до рейда на Сухум, впору было думать дотащиться до Синопа.

В шканечном журнале «Флоры» навсегда остались важнейшие моменты того славного дня: «В начале восьмого часа в расстоянии трех миль увидели на ветре шхуну “Дротик”, которая шла под всеми парусами к Бомборскому укреплению. При восхождении солнца был поднят на фрегате кормовой флаг при пушечном боевом выстреле; в сие время турецкие пароходы находились от нас в расстоянии трех миль за кормой, уже построенные в боевой строй; на них тоже подняли кормовые флаги, но без выстрелов.

В 8.15 пароходы разделились и построились как бы в две колонны под ветром; под вице-адмиральским флагом шел на левый борт, другие два – на правый, но вскоре передовой взял направление к шхуне “Дротик”. Через пять минут он опять переменял направление и вступил в кильватер наветренного.

В 8.30 пароходы подошли на пушечный выстрел к шхуне, открыв огонь из носовых орудий. В сие время фрегат поворотил, и открыл батальный огонь левым бортом по оставшемуся за кормой пароходу. Это действие заставило остальных прекратить покушение на шхуну и обратиться к фрегату.

В 9.30, действуя по неприятелю, отражали их нападение. Фрегат получил пробоину под грот-русленем в медь первого пояса из орудия шестидесятифунтового калибра.

В 10 часов турецкие пароходы прекратили бои, сомкнулись вместе. Приостановив действие машины, адмиральский пароход пошел на буксире. В это время фрегат, по прекращении боя, поворотил оверштаг на левый галс, находясь от Пицундского укрепления в одной миле».

Из хроники сражения: «С рассветом, 10 ноября, пароходы подняли турецкие флаги. На фор-брам-стенге одного из них показался вице-адмиральский флаг. Все пароходы были

трехмачтовые, у двух замечено на борту по 16 пушечных портов. В это время, в 4 милях от берега, показалась русская шхуна “Дротик”, с выкинутыми веслами. Два вражьих парохода понеслись к ней на всех парах; один адмиральский продолжал следовать за “Флорой”. Увидя угрожавшую шхуне опасность, Скоробогатов немедленно сообразил, что у него только одно средство спасти товарища: поворотиться бортом к адмиральскому пароходу и открыть по нему усиленный огонь, в надежде принудить остальные два парохода поспешить к нему на помощь. Маневр этот увенчался полным успехом. Погнавшиеся за “Дротиком” пароходы поспешно вернулись к адмиральскому и, стараясь отстоять его, все время держались вместе, что представило Скоробогатову возможность нанести им значительный вред. К 9 часам утра все три парохода отступили, и когда они находились уже вне выстрелов, адмиральский пароход, конечно не иначе как вследствие значительных повреждений, был взят на буксир. У “Флоры” оказалось всего две пробоины. Раненых и убитых не было. Турки вообще стреляли плохо, слишком торопливо, да и метили большею частью в такелаж, имея в виду не только помешать маневрам фрегата, но и вовсе лишить его движения, чтобы легче овладеть им...

Конечно, этим невероятным успехом “Флора” была обязана хладнокровной распорядительности и мужеству Скоробогатова, храбрости и знанию дела его команды, а также робости и невежеству неприятеля, не умевшего воспользоваться: ни преимуществом пара для одновременной атаки фрегата с разных сторон – чтобы не дать ему одним маневром отделаться от продольных выстрелов всех трех пароходов, – ни огромными бомбическими пушками, коими он мог поражать “Флору”, не имевшую орудий более 24-фунтового калибра, оставаясь сам вне ее выстрелов. Понятно, что победа “Флоры” была чрезвычайно приятна самолюбию Черноморского флота, состоявшего из одних парусных судов, при самом незначительном числе пароходов, и то все колесных!»

Спустившись в каюту, Скоробогатов, не откладывая дела в долгий ящик, тут же набросал рапорт командиру Кавказской береговой линии. В нем он с полным основанием заявил: «Пароходы решительно были не в состоянии выдерживать огонь моей артиллерии и постыдно бежали по направлению к весту, оставив поле сражения парусному фрегату, получившему от них только две подводные пробоины».

Окончив писать, Скоробогатов отложил перо и улыбнулся висевшему на переборке портрету молодой девушки. То была невеста командира «Флоры» киевлянки Екатерины фон Вагнер. Усталый, пропахший порохом и гарью, он устало сидел за стол и, подперев голову руками, неотрывно смотрел на портрет. Что ждет его и его невесту в этой начавшейся войне?

Человеческие судьбы порой настолько непредсказуемы и таинственно связаны между собой, что и выдумывать ничего не надо. Жизнь зачастую куда загадочнее и запутаннее, чем самая вычурная книга. Вскоре после возвращения в Севастополь к Антону Никитичу Скоробогатову придет его невеста, и они будут помолвлены. На помолвке будет присутствовать и старший офицер «Флоры» лейтенант Володя Шмидт. Затем будет знаменитая оборона Севастополя. Любимец Нахимова Скоробогатов геройски падет от французского ядра на бастионе, а его невеста (по другим сведениям, они уже успели обвенчаться) так и не покинет осажденного города, оставшись там сестрой милосердия. В один из дней к ней в лазарет матросы принесут истерзанного осколками бомбы молодого офицера, то будет младший брат Владимира Шмидта Петр. Именно Катя фон Вагнер выходит умирающего лейтенанта. Спустя несколько лет спустя они женятся и своего первенца назовут Петром. Еще несколько лет спустя не станет Екатерины Вагнер-Шмидт, затем уйдет из жизни и контр-адмирал Петр Шмидт. Что касается их сына, то он окончит Морской корпус и станет впоследствии печально всем известным «красным лейтенантом» Петром Шмидтом. Всю жизнь непутевого племянника будет спасать от неприятностей его дядя, бывший старший офицер «Флоры» адмирал и сенатор Владимир Шмидт. После мятежа на «Очакове», не выдержав

позора, дядя умрет, а племянник будет расстрелян на острове Березань. Но пока до всего этого еще очень далеко...

Современник событий контр-адмирал Вукотич не без оснований считал, что именно «Флора» своим блестящим делом спасла Сухум-Кале, куда в тот момент направлялись турецкие пароходы и где, кроме тендера «Скорый», тогда не было никаких наших военных судов.

Как выяснилось позднее, турецкие пароходы хотели атаковать Сухум-Кале. Разумеется, малыш «Скорый», скорее всего, принял бы неравный бой и героически погиб, но спасти Сухум-Кале от бомбардировки он был не в силах.

По странному стечению обстоятельств как раз в это время вся весьма многочисленная эскадра вице-адмирала Серебрякова сама ушла бомбардировать захваченный турками пост Святого Николая. Об этом походе не знали в Гаграх, не ведал ничего о нем и капитан 2-го ранга Скоробогатов.

К сожалению, операция Серебрякова успеха не имела. Турки успели устроить на посту несколько батарей и встретили эскадру неожиданно сильным огнем. Потеряв после нескольких часов перестрелки нескольких человек, Серебряков счел за лучшее пойти к Трапезунду и попытать счастья там. Но удача вновь отвернулась от него. В пути эскадра попала в сильный шторм и вынуждена была ни с чем вернуться в Сухум-Кале почти одновременно с «Флорой».

Сегодня историки считают, что пароходы, сражавшиеся с «Флорой», не были потоплены исключительно по вине вице-адмирала Серебрякова. По расписанию его крейсеры должны были занимать посты вдоль восточного берега Черного моря. В распоряжении вице-адмирала тогда имелась достаточно сильная эскадра: фрегаты «Мессемврия» и «Сизополь», корветы «Андромаха» и «Пилад», пароходы «Херсонес», «Боец» и «Могучий». Но посты почему-то так и не были заняты. При этом, несмотря на то что «Флора» дралась с турецким отрядом в продолжение двадцати часов, вице-адмирал Серебряков ничего не знал о бое, шедшем в ста милях от него. А ведь при правильной организации дозорной службы его пароходы вполне могли успеть к месту сражения и довершить победу «Флоры». Но начальник восточного отряда в это время без всякой пользы подставлял пароходы и весь свой парусный отряд под выстрелы турок, занимавших пост Святого Николая. Те же историки считают, что причина не слишком удачной стрельбы турок была в том, что они перед самым выходом в море приняли на борт заряды свежего пороха, а ранее учились стрелять, имея порох куда более плохого качества, отсюда, дескать, и частые перелеты. Впрочем, каждый легко может быть критиком спустя полтора-два десятилетия...

Как это на первый взгляд ни странно, перед Европою, благодаря турецкой лжи, блистательное для русского флота дело «Флоры» было выставлено в таком виде, будто турецкие пароходы, победоносно выгрузив на кавказском берегу оружие для горцев, встретили всю эскадру Нахимова и со славой отбились от нее! Однако, что бы кто ни говорил, итог боя таков: три турецких пароходо-фрегата постыдно бежали от одного русского парусного фрегата, который за безветрием (у него было всего два узла ходу!) был лишен возможности двигаться с быстротою, необходимою для боя...

За выдающийся подвиг все девять офицеров «Флоры» были награждены орденами, а пять наиболее отличившихся матросов – Георгиевскими крестами. Командиру капитан-лейтенанту Скоробогатову был пожалован чин капитана 2-го ранга.

Командиры и команды брига «Александр», тендера «Опыт» и фрегата «Флора» проявили самые лучшие качества, присущие русским морякам: мастерство, отвагу и доблесть. А потому они должны быть памятны нам, как памятен подвиг героического брига «Меркурий».

Глава шестая

Так как же победил «Меркурий»?

Как это ни покажется странным, но до сих пор находятся те, кто всеми силами старается обличить А.И. Казарского в обмане, в том, что никакого боя не было, а весь подвиг «Меркурия» был от начала до конца выдуман командиром брига. Никаких конкретных фактов обычно не приводится, а ставится вопрос: ну как маленький бриг мог победить два крупнейших линейных корабля? И сразу делается вывод: а никак!

Однако нашлись те, которые сомневались, что подвиг брига «Меркурий» происходил именно так, как описан. Уже через двадцать лет после подвига брига «Меркурий» оставшиеся в живых соратники Казарского вынуждены были защищать его честь от несправедливых нападок. Вице-адмирал В.И. Мелихов в статье в «Морском сборнике» за 1850 год «Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах» пишет: «Действия брига “Меркурий” представляют пример отваги, которому подобный едва ли сыщется в летописях морских держав. Мы считаем излишним распространяться о подвиге Казарского, вполне и совершенно оцененном Государем Императором, как то можно видеть из Высочайшего повеления и указов, изложенных в главе 23 и 26 нашего повествования; мы считаем нужным заметить только одно обстоятельство, что нашлись люди, которые сомневались, чтобы действия брига происходили точно так, как они описаны в рапорте Казарского. Но мы и весь флот, выдавший бриг через несколько часов после сражения, можем засвидетельствовать; что в донесении командира брига не было никакого преувеличения; знавшие хорошо покойного Казарского поручаются, что по своей скромности он скорее был способен умолчать о своих действиях, нежели преувеличивать их. Он вполне достоин памятника, воздвигнутого ему в Севастополе его сослуживцами, с соизволения Государя Императора».

В описании хулителей Казарского события выглядели приблизительно так. С самого начала турки начали погоню за русскими дозорными судами при тихом ветре (около 2-х баллов по Бофорту) и сумели сблизиться с отставшим от остальных бригам «Меркурием». Первыми на дистанцию досягаемости артиллерийского огня носовых пушек вышли те два линейных корабля, о которых и шла речь выше. Ветер постепенно стихал, и скорость сближения была столь мала, что в течение полутора часов обстрел «Меркурия» производился с расстояния от полутора километров до полукилометра из немногочисленных погонных пушек. После чего ветер окончательно «скис», и на воду опустилась обычная для Черного моря при безветрии туманная дымка. Штиль позволил «Меркурию» медленно, но верно удаляться на веслах от турецкой эскадры до той поры, пока та окончательно не скрылась с глаз в туманной мгле (благоприятствовало и то, что на юге темнеет раньше, чем, например, на широте Москвы). После чего бриг изменил курс, дабы ввести противника в заблуждение относительно направления своего движения на случай возобновления ветра. С момента обнаружения турками русских кораблей до потери визуального контакта с «Меркурием» прошло 3,5–4 часа. За это время турки не понесли никакого материального урона – две русские малокалиберные ретирадные пушки не доставали до них, а предназначенные для ведения ближнего боя каронады – и тем более. «Меркурий» получил 22 пробоины в корпусе, тем не менее не получил ни одного разрушительного попадания крупнокалиберным чугунным или каменным ядром.

Действительно, при численном сравнении военной мощи турецких кораблей и русского брига – 184 орудия против 20, даже не считая разницу калибров, то есть при 10-кратном преимуществе турок, победа «Меркурия» на первый взгляд представляется просто невозможной. Однако при детальном анализе условий боя можно сделать вывод о том, что победа брига не является столь уж невероятным событием. По сравнению с турецкими линейными

кораблями, учитывая условия маловетрия, при котором происходил бой, «Меркурий» имел следующие преимущества.

Во-первых, каждый из турецких кораблей мог стрелять только одним бортом, в то время как «Меркурий», при умелом маневрировании и быстрых разворотах с помощью весел, мог использовать все имеющиеся у него орудия. Бывшие на вооружении у «Меркурия» каронады были очень эффективны именно в ближнем бою, кроме того, они позволяли стрелять в более высоком темпе из-за простоты перезарядки.

Во-вторых, в течение всего боя турецкие корабли, как мы уже знаем, так и не смогли занять наивыгоднейшего для них траверзного положения относительно «Меркурия». Это произошло по нескольким причинам: благодаря грамотному маневрированию брига, по причине малой дистанции боя и из-за маловетрия.

В-третьих, при нахождении близко, но несколько позади «Меркурия» большие трехдечные линейные корабли (учитывая их обводы и высоту борта) могли прицельно стрелять только из 8—10 носовых пушек, поскольку в бортовых портах пушки могли поворачиваться не более, чем на 15 градусов, в то время как короткие каронады «Меркурия» имели куда большие возможности для прицеливания и могли вести прицельный огонь по рангоуту и такелажу противника. Таким образом, практически в течение всего боя, за исключением двух эпизодов, соотношение действующих стволов, при всем внешнем преимуществе турок, фактически составляло 16—20 у турок против 18 у наших.

В-четвертых, при «пистолетной» дистанции боя турецкие корабли могли попадать в более низкий борт «Меркурия» только выстрелами с нижних деков, а это могло иметь место только при траверзном расположении линкоров и брига друг относительно друга. Но Казарский, как мы уже говорили, этой возможности туркам так и не дал.

В-пятых, безусловно, Казарскому и его подчиненным помогла и погода. Слабый ветер, временами совсем стихающий, практически обездвиживал турецкие линейные корабли, тогда как «Меркурий», имея весла, мог не только маневрировать, но и постепенно увеличивать дистанцию отрыва от противника.

Наконец, в произошедшем всего полтора годами ранее Наваринском сражении была уничтожена лучшая часть турецкого флота, что существенно ослабило морские силы Турции, а потому команда «Меркурия» столкнулась с гораздо менее опытными турецкими командами. Причем это касалось не только рядового состава, но прежде всего командного. Если рядовой состав турецких кораблей медленно заряжал орудия и плохо стрелял, не слишком умело управлялся с парусами, то командный состав не слишком грамотно действовал тактически. Кроме этого, при маловетрии особо много зависит от умения грамотно и быстро управляться с парусами, чтобы использовать в свою пользу малейшую перемену ветра, для чего офицеры и командиры должны иметь большой опыт управления парусами. У турецких командиров и офицеров такого опыта, судя по всему, не было.

Мог ли Меркурий оказаться в «клещах» между двумя турецкими линкорами, как это показано на известной картине И. Айвазовского, и попасть, таким образом, в «два огня»?

Разумеется, что такая ситуация вполне могло произойти, бой есть бой. Однако, попав одновременно под два бортовых залпа, бриг не имел никаких шансов не то что выйти победителем из боя, но вообще остаться на плаву. При «пистолетной» дистанции (25—50 метров), которую показал на своей картине Айвазовский, он непременно получил бы сразу в оба борта мощнейший залп двух линейных кораблей. При этом дистанция была (если, опять же, судить по Айвазовскому) столь мала, что даже таким не слишком метким артиллеристам, как турки, промахнуться было практически невозможно. По большому счету им не надо было даже целиться. Но и это не всё! Если даже орудия на верхней палубе и верхнем деке палили по рангоуту и такелажу «Меркурия», то крупнокалиберные 36-фунтовые орудия нижних деков, находившиеся на одном уровне с корпусом брига, в несколько попаданий

превратили бы «Меркурий» в развалину. Однако, как мы знаем, ничего подобного так и не произошло. Сразу же возникает вопрос: почему? Ответ здесь может быть только один – в течение всего боя с турецкими линейными кораблями «Меркурий» ни разу не оказывался между турецкими линейными кораблями.

Вспомним, что в рапорте Казарского есть упоминание, что турки приближались к нему на «пистолетный выстрел», т. е. фактически вплотную. Сомневаться в правдивости рапорта Казарского у нас нет. Как же все обстояло на самом деле? Ведь мы понимаем, что сразу двух бортовых залпов в упор маленький бриг ни за что бы не выдержал. На самом деле никаких противоречий здесь нет! Действительно, в течение боя турецкие корабли при недолгих усилениях ветра несколько раз сокращали свою дистанцию до минимума. Но при этом им ни разу так и не удалось развернуться к бригу бортом, а тем более одновременно двоим. Даже при максимальном сближении с «Меркурием» турецкие корабли могли вести по нему огонь лишь несколькими мелкокалиберными носовыми (т. н. погонными) пушками. При этом стоявшие в носу пушки располагались значительно выше корпуса русского брига. И огонь, по обыкновению турок, велся, как всегда, исключительно по парусам, причем не слишком точно. Помимо этого, учитывая не слишком хорошую морскую подготовку турецких команд, корабли сближались с «Меркурием» разновременно, что позволяло Казарскому грамотными маневрами отбиваться от них по отдельности. При этом даже при утихшем ветре «Меркурий», используя весла, мог время от времени поочередно подворачивать к линейным кораблям разными бортами и добиваться, таким образом, даже некоторого превосходства в огне.

Почему же тогда Айвазовский изобразил на своем полотне нереальный эпизод сражения? Ответ, думается, в данном случае лежит на поверхности. Во-первых, при всей своей любви к морю и к флоту, Айвазовский не был профессиональным моряком, тем более он не был моряком военно-морского флота. Именно поэтому его батальные картины всегда существенно уступают в правдивости изображения кораблей, прорисовке деталей, нюансов погоды и т. п., чем батальные марины А. Боголюбова, который, как известно, окончил Морской корпус и имел чин лейтенанта. Кроме этого, желая усилить драматизм боя и тем самым еще более возвысить подвиг «Меркурия», Айвазовский вполне сознательно решил изобразить героический бриг в самой невыгодной для него ситуации. Осуждать за это Айвазовского сложно. Художник имеет право на воображение! При этом непререкаемый авторитет Айвазовского, известность самой картины привели к тому, что не только позднейшие художники, но и писатели начали описывать бой «Меркурия», принимая картину знаменитого художника за документ. Такой случай в нашей истории не единственен. Так, после выхода в свет знаменитого фильма С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»», в котором много выдуманных режиссером сцен (сцена приготовления расстрела матросов под брезентом, расстрел демонстрации в Одессе на Потемкинской лестнице и т. д.), писатели и историки сразу же начали описывать не реальные события на мятежном броненосце, а пересказывать фильм Эйзенштейна. Такова сила искусства. Думается, что в случае с картиной И. Айвазовского произошло то же самое.

Исследователь боя «Меркурия» А.И. Иоффе разбил его на несколько последовательных эпизодов. Эпизод первый. «Селимие» и «Реал-бей» начинают погоню за «Меркурием», следуя курсом на норд. Бриг вначале держит курс норд-вест, а затем поворачивает к норду. Турки тоже начинают доворачивать влево.

Эпизод второй. Турецкие линейные корабли сближаются с «Меркурием» строем фронта: «Селимие» справа, «Реал-бей» слева. «Селимие» пытается обойти бриг справа и дает полновесный залп левым бортом, от которого Казарскому удалось, впрочем, в самый последний момент уклониться. После этого он уже удерживает обоих противников на кормовых углах, так что те могут задействовать лишь носовые орудия. Общее направление всех трех судов строго на норд. Такое взаимное положение продолжается достаточно долго.

Эпизод третий. «Меркурий» постепенно меняет курс на норд-вест. Турки подворачивают вслед за ним, при этом они несколько расходятся в стороны. Казарский, воспользовавшись ошибкой турок, оставляет «Селимие» за кормой, а бортом успевает развернуться к носовой части «Реал-бея» и произвести по нему несколько бортовых залпов. Вскоре «Селимие» ложится на курс, параллельный «Реал-бею», и «Меркурий» вынужден снова оставить их обоих за кормой, ведя огонь, лишь изредка попеременно подворачивая свои борта то к одному, то к другому кораблю.

Эпизод четвертый. Турецким линейным кораблям удается наконец-то нагнать бриг и почти взять «в клещи». Именно в этот момент артиллеристы «Меркурия» поражают «Селимие». Флагманский линейный корабль сразу же прекращает преследование и ложится в дрейф. Но и «Меркурий» почти сразу подставляется кормой под продольный залп «Реал-бея». Казарский пытается оторваться от преследования второго линейного корабля, но капитан «Реал-бея» снова удачно подворачивает бортом к корме русского брига. При этом «Меркурий» по-прежнему упорно стремится в норд-вестовую четверть. Ценой больших усилий Казарскому все же удается увернуться от очередного бортового залпа и снова перевести преследователя на кормовые углы.

Эпизод пятый. «Реал-бей» снова успешно маневрирует и выходит на новый бортовой залп. В это время артиллеристы «Меркурия» наносят повреждения «Реал-бею», и тот выходит из боя, прекращая преследование. «Меркурий» же продолжает движение, следуя все тем же курсом норд-вест.

Историк Атавин в статье «Бой брига “Меркурий”» в сборнике по истории флота и судостроения «Гангут», № 28 от 2001 года, пишет об артиллерийской составляющей боя следующее (цитирую): «Соотношение артиллерийских орудий подавляет воображение: 184 пушки у турок и всего 20 – у русских! Сражение неминуемо должно было привести к печальному исходу для “Меркурия”. Но таким ли было количественное соотношение действующей артиллерии в бою? Парусный корабль, имея противника с одной стороны, может стрелять только одним бортом. Следовательно, количественное соотношение уже меняется как 92 к 18 (бортовые каронады). Из числа 92 турецких пушек при ближнем бое необходимо вычесть по четыре погонных и не менее чем по шесть ретирадных пушек. Остаются 72 активные бортовые пушки на двух турецких кораблях. Но и это еще не всё! Турецкие корабли не смогли в течение всего боя занять траверзного положения относительно русского брига, как вследствие грамотного маневрирования “Меркурия” “змейкой”, так и по причине малой дистанции боя, иначе ядра одного турецкого корабля могли попадать в другой. Далее, при нахождении близко, но сзади “Меркурия”, “Селимие” и “Реал-Бей”, учитывая обводы кораблей, могли прицельно стрелять только из восьми или десяти носовых пушек, так как в бортовых амбразурах (видимо, все же в портах. – В.Ш.) пушки поворачиваются не более чем на 15 градусов на сторону. В итоге, фактически, за исключением двух эпизодов, соотношение действующих стволов составляло 16–20 у турок против 18 у русских. Следует учесть еще один немаловажный фактор артиллерийской дуэли на малых расстояниях, а именно, малую высоту борта “Меркурия” и большую высоту бортов турецких кораблей. В результате турецкие ядра могли попадать в борта брига только после выстрелов с нижних деков, тогда как с верхних деков ядра и другие снаряды попадали в основном в рангоут, такелаж и паруса российского корабля. В это же время “Меркурий”, уклоняясь от одного корабля и стреляя в него из кормовых пушек, всем бортом, то есть каронадами, давал залп по другому турецкому кораблю».

Кроме пробоин в корпусе «Меркурия» официальные документы отмечают 16 повреждений в рангоуте, 133 повреждения в парусах и 148 повреждений в такелаже «Меркурия». Также разбиты шлюпки и слегка повреждена одна каронада. Повреждения были настолько

существенны, что судно едва добралось до Севастополя, где затем его ремонтировали целых семь лет!

Общеизвестно, что «Меркурий» добился своих знаменитых попаданий книппелями. А вот чем стреляли турки, какие конкретно повреждения были нанесены «Меркурию» и почему турецкие корабли потеряли возможность вести бой всего лишь от нескольких удачных попаданий, а «Меркурий» этой возможности не потерял, несмотря на сотни повреждений в рангоуте, такелаже и парусах, в точности не известно.

Стреляли ли турки книппелями? Ответа на этот вопрос в документах нет, но мне думается, что, судя по многочисленным повреждениям такелажа, все же стреляли. Однако книппель (полуядра, скрепленные между собой цепью) весьма эффективны для поражения такелажа исключительно на близкой дистанции (не более 200 метров), а на большей совершенно бесполезны, так как просто не долетят до противника. Отсюда можно предположить, что большую часть времени боя «Меркурий» удерживался от противника исключительно на выгодных курсовых углах при достаточно малой дистанции. Подтверждением этому служит и то, что на вооружении «Меркурия», за исключением двух мелкокалиберных «погонных» пушек, были исключительно каронады, которые можно использовать только в ближнем бою. «Меркурий», как мы знаем, нанес противнику несколько повреждений, повлиявших на исход боя. Сделать это можно было на дистанции в 200–250 метров. Расстояние до противника стало увеличиваться лишь к концу сражения из-за штиля, когда «Меркурий» снова пошел «на отрыв» на веслах.

Теперь попробуем определить, какие именно повреждения нанесли артиллеристы брига турецким линейным кораблям и насколько эти повреждения повлияли на исход боя. Для начала еще раз обратимся к рапорту А.И. Казарского: «Во всё время “Меркурий” не прерывал своего огня, стараясь по возможности уклоняться от продольных выстрелов, пока удалось перебить ватер-штаги (ватер-штаги – тросы под бушпритом, служащие для его оттягивания вниз. – *В.Ш.*) и повредить гротовый рангоут стопушечного корабля, что заставило его закрепить бом-брамсели (бом-брамсели – прямые паруса четвертого яруса снизу. – *В.Ш.*), привести к ветру и лечь в дрейф, но прежде прекращения действия он послал брику залп со всего борта. Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы (т. е. курс относительно ветра. – *В.Ш.*) под кормой брика и бил его продольными выстрелами, которых никакими движениями невозможно было избежать, но со всем тем “Меркурий” отстреливался до того времени, пока счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок-фор-марс-рею (оконечность на втором снизу рее фок-мачты. – *В.Ш.*), падение которой увлекло за собой лисели (добавочные прямые паруса, устанавливаемые по бокам основных. – *В.Ш.*), тогда и этот корабль привел в бейдевинд (курс под острыми углами, от 30 до 60 градусов, навстречу направлению ветра. – *В.Ш.*)».

В своих воспоминаниях о бое «Меркурия» бывший начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.И. Мелихов пишет так: «Во всё время “Меркурий” не прерывал огня, стараясь между тем уклоняться, по возможности, от продольных выстрелов; наконец ему удалось перебить ватер-штаги и повредить гротовый рангоут 110-пушечного корабля, что побудило его... лечь в дрейф; но прежде совершенного прекращения действия он послал в брик прощальный залп со всего борта... Другой корабль продолжал сражение, переменяя галсы под кормою брика, и бил его ужасно продольными выстрелами, которых никакими движениями избежать было невозможно; за всем тем “Меркурий” продолжал отпаливаться до тех пор, пока счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок фор-марс-рея, падение коего увлекло за собою лисели; тогда и этот корабль, в 5 1/2 часов, привел в бейдевинд».

Мелихов в целом повторяет рапорт Казарского, за тем лишь исключением, что не упоминает о «закреплении бом-брамселей» на турецком 110-пушечном корабле и его «приве-

дении к ветру». Все последующие авторы, описывающие бой «Меркурия», или повторяли Казарского и Мелихова, или придумывали что-то свое. Позднее они будут выдумывать всякую несусветицу о том, что турки в пороховом дыму палили друг в друга, а Лысенко вообще перебил ядром грот-мачту «Селимие», которая упала, о некой решительной атаке «Меркурия» в конце боя, о рухнувших на палубу всех парусах фок-мачты «Реал-бее» и т. д., оказывая медвежью услугу и Казарскому, и его храброй команде.

Что же представляли собой противники «Меркурия»? Не так давно в Интернете (<http://war.tsushima2.borda.ru>) были опубликованы данные по турецкому флагману 128-пушечному гиганту «Селимие», взятые из материалов тогдашнего турецкого «Комитета для приведения флота в лучшее состояние», который учитывал в своих документах только орудия калибром от 18 фунтов и более: на нижней батареейной палубе (на нижнем деке) – 4 – 48-фунтовые и 28 – 36-фунтовых пушек, на средней батареейной палубе (на среднем деке) – 34 – 24-фунтовые пушки, на верхней батареейной палубе (на верхнем деке) – 34 – 18-фунтовые пушки, на верхней (открытой) палубе – не указанное число лёгких пушек и, возможно, каронад. Данные по артиллерийскому вооружению «Селимие» по состоянию на 1829 год исходят от английского моряка на турецкой службе Адольфуса Слейда, участвовавшего в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов: на нижней батареейной палубе – четыре 110-фунтовых камнемёта и не указанное число 36-фунтовых пушек, на средней батареейной палубе – четыре 75-фунтовых камнемёта и не указанное число 26-фунтовых пушек, на верхней батареейной палубе – не указанное число 20-фунтовых пушек, на верхней открытой палубе – не указанное число 12-фунтовых и 9-фунтовых пушек. Камнемётами называли относительно короткоствольные тонкостенные артиллерийские орудия, стрелявшие каменными ядрами на небольшие расстояния и чаще всего заряжавшиеся с казенной части. Всего на «Селимие» было 128 орудий, все пушки – французского происхождения. К сожалению, количественной разбивки по калибрам нет. О наличии каронад или их отсутствии также не упоминается. Экипаж «Селимие» – около 1400 человек, большая часть состояла из набранных незадолго до войны рекрутов.

О «Реал-бее» у автора точных данных нет, но можно предположить, что укомплектован артиллерией он был приблизительно в той же пропорции, как и «Селимие», с той лишь поправкой, что общее число орудий у него достигало 74. Вопрос, были ли на турецких линейных кораблях каронады, остается открытым. В артиллерийском штате русского 110-пушечного линейного корабля того времени находились четыре 24-фунтовые, шесть 8-фунтовых и двадцать 6-фунтовых каронад, а на русском 74-пушечном линейном корабле устанавливалось шесть 24-фунтовых каронад. Однако у турок их вполне могло еще и не быть.

Итак, Казарский конкретно сообщает, что ядро «Меркурия» перебило ватер-штаги под бушпритом «Селимие». Насколько это серьезное повреждение и мог ли 110-пушечный линейный корабль выйти из боя?

Упомянутый Казарским «гровый рангоут» (а вернее, горизонтальные элементы средней и одновременно самой высокой мачты, называемой грот-мачтой) на 110-пушечных линейных кораблях первой половины XIX века занимал (в зависимости от конструкции) следующие высоты: грота-рей (самый нижний на грот-мачте) располагался над водной поверхностью на высоте 22–23 метра, грот-марса-рей (второй снизу) – на высоте 30–39 метров, грот-брам-рей (третий снизу) – на 44–48 метрах, грот-бом-брам-рей (четвертый снизу) – на 51–57 метрах. Фок-мачта (передняя мачта) тех же 110-пушечных кораблей имела высоты над водой своих аналогичных реев, но примерно на 10 % меньшие, а бизань-мачта (ближайшая к корме) – на 15–20 % меньшие, чем грот-мачта. На 74-пушечных линейных кораблях горизонтальные элементы рангоута (реи) возвышались над водой, как правило, на 10 % ниже, чем на 110-пушечных. Это говорит о том, что ядра с «Меркурия», поднимаясь, как указано выше, максимум на 18 метров над водой, да и то в узком диапазоне дистанций стрельбы от

270 до 340 метров, могли «дотянуться» в лучшем случае лишь до нижних рей 74-пушечного корабля.

Что подразумевал Казарский под «повреждением гротового рангоута» турецкого 110-пушечного линейного корабля? По-видимому, это было повреждение грот-ундер-лисель-спирта (нижнего горизонтального шеста на высоте верхней палубы), служившего для растягивания за пределы борта нижнего края гротового лиселя – добавочного прямого паруса (гротового лиселя). Затем еще одно перебивает ватер-штаги, крепящие бушприт к княвдигеду гальюна. Так как речь идет обо всех ватер-штагах, то ядро с «Меркурия» удачно поразило их в районе их общего крепежа. Разумеется, что от этого бушприт не отвалился, так как сверху держался еще и фок-штагами и фот-стенъ-штагами, но жесткость конструкции была нарушена, и он закачался. Повреждение гротового рангоута с падением гротового лиселя и ватер-штагов не было слишком серьезным для «Селимие», но вызвало определенные трудности в управлении кораблем. Однако, учитывая то, что почти вся команда состояла из насильно пойманных и посаженных на корабль рекрутов, быстро исправить эти повреждения не представлялось возможным.

Теперь относительно «Реал-бея». Насколько мог повлиять на боеспособность линейного корабля перебитый нок фор-марса-рея с марселями и упавшие лиселя?

Что касается «Реал-бея», то нанесенные ему повреждения тоже не были слишком серьезными – «счастливым выстрелом удалось перебить у неприятеля нок-фор-марс-рею, падение которой увлекло за собой лисели». При этом никакие «все» паруса фок-мачты на палубу, разумеется, разом не рухнули, как выдумывали позднейшие авторы. Для этого надо было много еще чего перебить. Однако, к счастью для «Меркурия», и упавших лиселей оказалось вполне достаточно. Пример вышедшего из боя флагмана и суматошная паника на нем, скорее всего, уже смущали умы матросов «Реал-бея», когда же полетели вниз лиселя, что, повторюсь, было не страшно для боеспособности корабля, но выглядело весьма эффектно, то паника началась и на нем. Капитана второго линейного корабля тоже понять можно – с необученной командой исправлять повреждения дело долгое, к тому же без лиселей «Реал-бей» сразу потерял возможность ловить и так едва двигавший корабль тихий ветер. Да и вышедший к этому времени из боя «Селимие» давал гарантию, что никакого наказания от адмирала за отказ от преследования русского брига также не последует.

И все же почему турецкие адмиралы прекратили преследование «Меркурия», тем самым фактически признав свое поражение в этом далеко не равном бою? Думается, что такое решение было вызвано не одним, а сразу несколькими факторами.

1. Повреждения, нанесенные «Меркурием», хоть и не носили решающего характера, однако создали определенные трудности с управлением линейных кораблей и при тихом ветре замедлили их и без того не слишком большую скорость.

2. Повреждения и упорное сопротивление маленького брига деморализующее действовало на сборные и не слишком обученные команды линейных кораблей. Еще очень свежи были воспоминания о недавнем наваринском погроме. Именно поэтому в течение всей войны 1828–1829 годов турецкий флот вел себя исключительно пассивно. Майский 1829 года выход в море был едва ли не самым отважным его мероприятием за всю войну.

3. Было очевидно, что русский бриг будет отчаянно драться до самого конца и, возможно, даже попытается в критической ситуации, сойдясь вплотную с одним из линейных кораблей, совместно взорваться. Это турок, разумеется, никак не устраивало, а реальная возможность при отсутствии ветра и наличии у брига весел у «Меркурия» для этого была.

4. Сама погоня и бой явно затягивались. Без внимания турецких адмиралов не могло остаться и то, что Казарский упрямо держал курс на норд-вест в сторону Сизополя, где стоял тогда весь Черноморский флот во главе с адмиралом Грейгом. В том же направлении ушли и давно скрылись за горизонтом и два дозорных русских фрегата. Это не могло не беспокоить

капудан-пашу. В любой момент на горизонте мог показаться Черноморский флот. При этом основные силы турецкого флота остались далеко позади адмиральских кораблей. Принимая же во внимание повреждения в такелаже и рангоуте, оба линейных корабля могли сами превратиться из охотников в достаточно легкую добычу. Продолжать погоню, все дальше отдаляясь от Босфора и сближаясь с главными силами противника, становилось уже реально опасным.

5. Ценность самого маленького брига была не столь велика, чтобы ради него рисковать двумя сильнейшими кораблями. К тому же во время этого выхода турецкий флот уже одержал неожиданную для себя победу и взял куда более ценный приз (об этом мы будем подробно говорить в следующей главе).

Подводя итог вышесказанному, мы не ошибемся, если сделаем следующий вывод – бой «Меркурия» действительно был самый героический, а успех – ошеломляющий. То, что нашей победе способствовали и погода, слабая обученность турецких команд и тактическая и оперативная ситуация, не должно нас смущать. На войне, как на войне, и Бог всегда на стороне храбрых, а победа всегда есть победа!

Глава седьмая

Тень «Рафаила»

Еще некоторое время после своего победного сражения Александр Иванович Казарский командовал «Меркурием». Война меж тем закончилась, начались мирные переговоры, обмена пленными. Последний выход в море на «Меркурии» для Казарского был достаточно знаменателен. Из воспоминаний бывшего начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В.И. Мелихова: «На траверзе Инады сошлись на randevу два корабля, неприятельский и наш, бриг “Меркурий”. С борта “Меркурия” 70 пленных турок перешло на борт своего корабля. С борта турецкого судна 70 пленных русских перешло на борт “Меркурия”. Все семьдесят были русскими моряками.

Что же это были за пленные? Дело в том, что незадолго до подвига “Меркурия” на Черноморском флоте произошло чрезвычайное для российского флота событие. К “Меркурию” оно имело самое непосредственное отношение, а поэтому представляет для нас особый интерес.

Находившийся в дозоре неподалеку от турецкого порта Пендераклия фрегат «Рафаил» под командованием капитана 2-го ранга Стройникова был застигнут врасплох турецкой эскадрой и, даже не предприняв попытки вступить в бой, спустил перед турками свой Андреевский флаг. Обрадованные неожиданной победой турки включили захваченный фрегат в состав своего флота под названием «Фазли Аллах», что значит «Дарованный Аллахом». Случай с «Рафаилом» – для русского флота небывалый, а потому особенно болезненный. В негодовании были все: от бывших сослуживцев Стройникова до императора Николая.

Пленные, которых принимал от турок Казарский, и были с «Рафаила». Это были все, кто к моменту подписания мира остались в живых из команды фрегата «Рафаил», без малого двести человек. Среди них – и бывший командир бывшего «Рафаила» С.М. Стройников. Как гласит легенда, император Николай I запретил Стройникову до конца его дней жениться и иметь детей, сказав при этом так: «От такого труса могут родиться только трусы, а потому обойдемся без оных!»

Разумеется, что пришедшее вскоре после сдачи «Рафаила» известие о небывалой победе «Меркурия» было для Николая I особенно приятно.

В отношении же самого фрегата «Рафаил» император был не менее категоричен, чем в отношении его командира:

– Если когда-либо представится возможность уничтожить бывший «Рафаил», то каждый офицер Черноморского флота должен считать это делом своей чести!

В указе император написал так: «Уповаю на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый Флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата “Рафаил”, не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен во власть нашу, то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить Флаг России и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

...Долгое время Казарский и Стройников приятельствовали, соперничали в продвижении по службе: Казарский командовал старым транспортом «Соперник», а Стройников – бригом «Меркурий». Впрочем, перспективы у Стройникова были многим лучше, чем не только у Казарского, но и у многих других офицеров. Еще недавно Стройников состоял в адъютантах у командующего флотом, причем пользовался расположением не только самого Грейга, но и его всесильной гражданской жены. Ниже мы еще подробно остановимся на личности супруги адмирала Грейга. Пока же констатируем тот факт, что, судя по всему, Стройников был весьма тесно связан и с полусветом Николаева, причем весьма удачно извлекал из этого свою выгоду. Помимо всего прочего Стройников являлся и георгиевским кавалером,

правда, свой крест 4-го класса он получил не за одновременный подвиг, а за 18 морских кампаний. Чтобы получить крест за морские кампании, надо было иметь еще и «удостоение начальства». Такое «удостоение начальства» у Стройникова имелось. Именно такой вывод можно сделать из послужного списка «удачливого» капитан-лейтенанта.

К служебному соперничеству Казарского со Стройниковым прибавилось и их соперничество в любви. Исследованием этих отношений занималась в свое время известная севастопольская писательница Валентина Фролова. По ее версии, оба офицера были влюблены в одну и ту же женщину – молодую вдову морского офицера Вознесенскую. Оба были принимаемы в ее доме, но если к Казарскому вдова относилась чисто по-дружески, то Стройникову Вознесенская отдавала явное предпочтение. Возможно, что в данном случае помимо любви имел место и простой расчет: быть женой любимца Грейга, которого ждала блестящая карьера, было куда заманчивей, чем числиться в женах небогатого офицера, не окончившего даже Морского корпуса!

Разумеется, последовало выяснение отношений, в результате которого Казарский получил отставку по всем пунктам, а Стройников вскоре обручился с Вознесенской. Жених с невестой решили, что свадьбу отпразднуют после окончания боевых действий.

О капитане 2-го ранга Стройникове историк Черноморского флота писал так: «... Последний не отличался особенными способностями... всегда пользовался репутацией опытного и храброго офицера; будучи еще мичманом, в эскадре вице-адмирала Сенявина в Архипелаге, Стройников был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за храбрость, оказанную 15 июля 1807 года в сражении на бриге “Богоявленск” с турецким флотом, и при защите Тенедосской крепости... находясь в продолжение этого времени на важнейших крепостных батареях; в 1828 году, командуя бригам “Меркурий”, за взятие турецкого судна с войском, следовавшим в подкрепление Анапского гарнизона, получил орден Св. Анны 2-й степени; при атаке Ахиолло... командуя фрегатом “Рафаил”, Стройников действовал мужественно, заняв позицию, в которой подвергался огню всех неприятельских батарей; наконец, доказательством доверенности к нему начальства может служить поручение ему, 2 мая того же года, отряда судов для овладения Агатоподем. Обойти Стройникова при назначении на суда командиров, было бы несправедливостью, к которой не представлялось ни малейшего повода».

Разумеется, что когда освободилась вакансия командира только что спущенного на воду фрегата «Рафаил», начальство без долгих раздумий предпочло Казарскому и подобным ему любимца николаевского полусвета Стройникова. Тогда казалось, что карьера его обеспечена...

Сдача в плен новейшего фрегата «Рафаил» произошла всего за три дня до подвига «Меркурия». Но и это не всё! И бывший командир «Рафаила» Стройников и остальные офицеры фрегата во время боя «Меркурия» находились на борту линейного корабля капудан-паши «Селимие» и были свидетелями этого боя. Интересно, какие чувства испытывал Стройников, когда на его глазах его бывшее судно, под началом его старого сослуживца, в самой отчаянной ситуации сумело выйти победителем?

Что же представлял собой «Рафаил», и каковы были обстоятельства пленения нашего фрегата?

Черноморский фрегат «Рафаил» был спущен в начале 1828 года и вступил в состав флота под началом капитана 2-го ранга Юрьева. Базируясь на Каварну, крейсировал между Варной и Каварной. В июле команда «Рафаила» на шлюпках участвовала в захвате и выводе из бухты Варны 14 турецких судов. В конце июля «Рафаил» участвовал в трехдневном бомбардировании Варны, получив 26 повреждений и сквозную пробоину в борту.

В августе 1828 года «Рафаил» крейсировал у Босфора. Затем фрегат участвовал в захвате крепости Инада. Огнем пушек Рафаила была подавлена береговая турецкая батарея,

а команда участвовала в десанте и захвате крепости. В боях под Инадой «Рафаил» получил еще два десятка повреждений от ядер противника. Однако, несмотря на это, прямо от Инады фрегат ушел в крейсерство к Босфору. В сентябре «Рафаил» снова у Варны участвует в бомбардировке крепости. В октябре 1828 года после капитуляции Варны «Рафаил» с пленным комендантом крепости на борту Юсуф-пашою прибыл в Одессу, а затем в Севастополь, где встал в непродолжительный ремонт.

Во время ремонта в команде «Рафаила» произошли некоторые изменения. При этом сменился и командир: вместо ушедшего командиром линейного корабля Юрьева командиром «Рафаила» был назначен капитан 2-го ранга Стройников (бывший командир брига «Меркурий»). Как одно из наиболее подготовленных судов Черноморского флота, «Рафаил» был «назначен для зимнего плавания у берегов Турции в состав первого отряда контр-адмирала Кумани».

11 ноября «Рафаил» в составе отряда Кумани уже вышел из Севастополя для крейсерства у Босфора и Варны. Любопытно приказание Кумани своим командирам судов на случай форс-мажорных обстоятельств: «Если кто-нибудь... будет снесен бурей к Босфору и поставлен в невозможность отойти от пролива, в таком случае, он должен идти под всеми парусами через пролив в Мраморное море. А оттуда в Архипелаг, для соединения с эскадрой Балтийского флота, блокирующего Дарданеллы».

В феврале «Рафаил» участвует в уничтожении береговых батарей турецкой крепости Сизополь, а команда – в десанте на берег и штурме Сизополя. За доблесть при овладении Сизополем именно «Рафаилу» предоставляется честь доставить ключи от крепости в Варну командующему флотом.

В марте «Рафаил» участвует в обстреле крепости Ахиолло, потеряв в бою одного убитыми и 4 ранеными и серьезные повреждения в оснастке и 13 пробоин корпуса. Повреждения корпуса оказались настолько опасными, что Кумани немедленно отправил фрегат на ремонт в Севастополь. В конце апреля, по исправлении всех повреждений, «Рафаил» уже соединился с флотом у Сизополя.

В мае «Рафаил» в составе отряда судов участвует в бомбардировке крепости Агатополь. Из доклада Стройникова: «Подойдя утром сегодня (2 мая) к городу (Агатополь), фрегат “Рафаил” стал против северной батареи на картечный от нее выстрел, но не открывал огня, поджидал фрегат “Флора”, который от беспрестанных перемен ветра, не мог приблизиться к берегу; нашедшим вскоре от Н шквалом “Рафаил” стал дрейфовать на камени, и когда они были уже довольно близко, фрегат, по уверению лоцмана, должен был стать на мель, тогда он, Стройников, в необходимости нашелся, обрубив канат, вступил под паруса. Обстоятельство это и сильный прибой по берегу не позволили приступить к высадке десанта».

9 мая 1829 года «Рафаил» был определен для усиления между Синопом, Трапезондом и Батумом вместе со шлюпом «Диана» бригом «Пегас», бригантиной «Елизавета» и шхуной «Гонец». При этом Стройникову было предписано: «По соединении с теми судами принять начальство над ними, определить каждому судну пункт крейсерства и содержать в самой тесной блокаде все места между Синопом, Трапезондом и Батумом лежащие, стараясь прекратить между ними всякое сообщение; в случае недостатка воды и провизии, посылать суда за первую в Сухум-Кале, а за вторую в Севастополь, но с тем, чтобы они немедленно возвращались к своим постам, и чтобы более одного судна не было уволено в одно время». 10 мая в 5 часов пополудни «Рафаил» снялся с Сизопольского рейда для следования по назначению.

20 мая флот под началом адмирала Грейга крейсировал между Пендераклией и Босфором. Именно тогда от датского посла в Турции барона Гибша (который представлял интересы России) была получена депеша о захвате турецким флотом у Пендераклии фрегата «Рафаил». Сообщение было столь невероятным, что в него вначале не поверили. Да,

«Рафаил» находился в отдельном плавании, да, могло иметь место столкновение фрегата с турками, но в то, что наш фрегат мог спустить флаг перед противником, не мог поверить никто. Смущало и место, где был пленен фрегат. По всем расчетам, у Пендераклии «Рафаил» просто не мог находиться, так как должен был направляться совсем в другую часть Черного моря, где появление линейных сил турецкого флота почти исключалось. В ответном письме адмирал Грейг попросил Гибша, чтобы Стройников, старший офицер фрегата капитан-лейтенант Киселев и поручик корпуса флотских штурманов Поляков представили подробное объяснение об обстоятельствах сдачи ими фрегата. Затем больше месяца о «Рафаиле» не было никаких сведений.

А 24 июня на флот доставили высочайший указ от 4 июня 1829 года относительно пленения «Рафаила». В императорском указе адмиралу Грейгу после слов восхищения подвигом экипажа и командира брига «Меркурий» содержались гневные выражения в адрес капитана 2-го ранга Стройникова: «Вместе с донесением вашим о блистательном подвиге брига “Меркурий”, мужественно вступившего в бой с двумя неприятельскими линейными кораблями, предпочитая очевидную погибель бесчестию плена, получил я прилагаемый при сем рапорт командира фрегата “Рафаил” капитана 2-го ранга Стройникова. Вы увидите из сей бумаги, какими обстоятельствами офицер этот оправдывает позорное пленение судна, ему вверенного, выставляя экипаж оного воспротивившимся всякой обороне; он считает это достаточным для прикрытия собственного постыдного малодушия, коим обесславлен в сем случае флаг Российский. Разделяя справедливое негодование, внушенное без сомнения всему Черноморскому флоту поступками, столь недостойными оного, повелеваю вам учредить немедленно комиссию, под личным председательством вашим, для разбора изложенных капитаном Стройниковым обстоятельств, побудивших его к сдаче фрегата. Заключение, которое комиссией сделано будет, вы имеете представить на Мое усмотрение. Уповаю на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславление фрегата “Рафаил”, не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен во власть нашу, то почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг русский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

Адмирал Грейг в приказе по флоту объявил о воле императора Николая I, выраженную в указе от 4 июня, и обязал всех командиров кораблей, и в особенности фрегатов, в случае встречи с неприятельским флотом обратить главное внимание на овладение бывшим фрегатом «Рафаил», чтобы сжечь его, истребив тем самым самую память о нем. С этих пор ни одно новое судно русского флота не должно было носить это имя.

В конце июля на Черноморском флоте были получены переправленные бароном Гишем рапорты Стройникова, Киселева и Полякова. Во всех трех объяснительных было в принципе написано одно и то же. А потому ограничимся рапортом командира «Рафаила», который представляет для нас особый интерес. Итак, что же писал о сдаче в плен своего фрегата капитан 2-го ранга Стройников?

«Фрегат “Рафаил”» снялся с Сизопольского рейда утром 10 мая, при маловетрии между S и W нашел шквал с дождем от WNW, почему в предосторожность, были закреплены все паруса и фрегат оставлен под одним зарифленным фор-марселем и фока-стакселем, ходу было 7,5 узлов, под ветром находился отряд капитана 1-го ранга Скаловского. В 11 часов пополудни ветер установился и тогда были поставлены все паруса и взят курс на Амасеру; этим курсом шли до 5 часов вечера 11 числа; в это же время, находясь, по счислению в 40 милях от Пендераклии, привели на OtN; в 9 часов ветер перешел к N, и вскоре потом к NO, что вынудило поворотить на правый галс; между тем ветер, усиливаясь постепенно, развел в короткое время большое волнение.

Лежа под зарифленными марселями, фоком и фор-стенги-стакселем, фрегат имел ходу от 1,5 до 2 узлов, дрейфу 4 румба, течение было по направлению ветра, к проливу.

12 числа, на рассвете, находясь, по счислению, в 45 милях от ближайшего Анатолийского берега усмотрели на N, в расстоянии около 5 миль, сначала одно, а потом несколько судов; вскоре открылось, что то был авангард турецкого флота, состоявший из 3 кораблей, 2 фрегатов и 1 корвета, которые шли полным ветром под зарифленными марселями. Немедленно были поставлены все паруса и взято направление на WNW; фрегат имел ходу 5,5 узлов. Спустя немного усмотрены на NO 58 градусов, в расстоянии 6,5 миль, еще 3 корабля, 5 корветов и 2 брига. В 5 часов суда, составлявшие авангард турецкого флота, поставили все паруса и устремились за фрегатом; в 8 часов ветер сделался тише, но волнение не уменьшилось; в это время авангард неприятеля начал спускаться на пересечку фрегата, который, чтобы не быть окруженным и в намерении продлить время до ночи, переменил курсы, смотря по надобности; последний был SW. Неприятель, имея превосходный ход, при постепенно затихавшем ветре заметно приближался. В 11 часов был составлен совет из всех офицеров, которые положили обороняться до последней крайности и, в случае нужды, приблизиться к неприятелю и взорвать фрегат; но нижние чины, узнав о намерении офицеров, объявили, что сжечь фрегат не позволят. До 2 часов пополудни «Рафаил» имел ходу около 2,5 узлов; сделавшийся же в это время штиль и продолжающаяся зыбь, лишили его Стройникова, и последних способов к защите и нанесению вреда неприятелю. В исходе 4 часа авангард неприятеля пересек все направления и окружил «Рафаил»: два корабля шли прямо на него, правее их находился 110-пушечный корабль и фрегат, а с левой стороны – фрегат и корвет; остальная часть турецкого флота была назади в расстоянии около 5 кабельтовых; ходу было не более одной четверти узла. Вскоре один из кораблей, подняв флаг, начал палить, и след засим надобно было ожидать нападения и от прочих; ко всему этому большая часть команды от качки не могла быть при своих местах. Тогда, видя себя окруженным неприятельским флотом, и, будучи в столь гибельном положении, он, Стройников, не мог предпринять никаких мер, как только послать парламентаров на ближайший адмиральский корабль с предложением сдать фрегат с тем, чтобы команда в непродолжительном времени была возвращена в Россию. Вследствие такого намерения, приказав поднять переговорный флаг, отправил парламентарями капитан-лейтенанта Киселева и морской артиллерии унтер-офицера Панкевича; задержав их, турки прислали своих чиновников, которые, объявив согласие адмирала на предложение его, Стройникова, изъявили желание, чтобы он со всеми офицерами отправился на адмиральский корабль, что и было исполнено; на фрегате остался с командой только один мичман Измайлов».

В конце своего рапорта Стройников доводит до сведения главного командира, что сигнальные книги, инструкции и все бумаги заблаговременно опущены в море. Капитан-лейтенант Киселев в своем рапорте дополнил командира, что по прибытии на турецкий корабль командира и офицеров он, Киселев, и мичман Карели были отправлены к капудан-паше, который подтвердил все обещанное его адмиралом.

После высочайшего указа и получения рапортов из Константинополя адмирал Грейг учредил комиссию под своим председательством (в комиссию вошли все флагманы, начальник штаба флота и командиры кораблей) для разбора изложенных в рапорте Стройникова обстоятельств. Этот рапорт был передан через того же барона Гибша в Петербург.

Комиссия начала работу, но в рапорте командира «Рафаила» было многое не ясно, так что полную картину событий представить было весьма сложно. Поэтому комиссия ограничилась всего лишь тремя пунктами:

«1. Фрегат сдан неприятелю без сопротивления.

2. Хотя офицеры и положили драться до последней капли крови и потом взорвать фрегат, но ничего этого не исполнили.

3. Нижние чины, узнав о намерении офицеров взорвать фрегат, объявили, что не допустят сжечь его, впрочем, и они не приняли никаких мер для побуждения своего командира к защите».

Вывод же комиссии был следующим: «...Каковы бы ни были обстоятельства, предшествовавшие сдаче, экипаж фрегата должен подлежать действию законов, изображенных: Морского устава, книги 3, главы 1, в артикуле 90 и книги 5, главы 10, в артикуле 73...Обращением внимания на положение нижних чинов, которые... не имели совершенно никакой возможности исполнить поставленного в последнем артикуле правила относительно арестования командира и выбора на его место достойнейшего. Кроме того, что подобного рода действие превышало понятия нижних чинов и не согласовывалось с привычкою их к безотчетному повиновению начальству, оно не могло быть исполнено ими и потому, что на стороне нижних чинов не было ни одного офицера, который мог бы руководить их действиями; что, будучи рассеяны по палубам, марсам, крюйт-камерам и проч. и считая себя не вправе советоваться предварительно между собою насчет использования предписываемой законом меры, которая могла быть приведена в действие только всею командою; наконец, потому, что поступок их легко мог быть принят за возмущение и повести к более строжайшей ответственности. Что касается до объявления нижних чинов, что они не допустят сжечь фрегат, то комиссия полагала, что командир не был вправе и требовать такой жертвы».

Понимая, что нынешнему читателю мало что говорят главы и артикулы Морского устава Петра Великого, считаю нужным познакомиться с этими весьма важными положениями. Итак, артикул 90 гласил: «В случае боя, должен капитан или командующий кораблем, не только сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности и не должен корабля неприятелю отдать, ни в каком случае, под потеряннием живота и чести».

Толкование 90 артикула же было следующим: «Однако ж, ежели следующие нужды случатся, тогда, за подписанием консилиума от всех обер и унтер-офицеров, для сохранения людей можно корабль отдать.

1. Ежели так пробит будет, что помпами одолеть лекажи или теки невозможно.

2. Ежели пороху и амуниции весьма ничего не станет. Однако ж, ежели она издержана прямо, а не на ветер стреляно для нарочной траты.

3. Ежели в обеих вышеописанных нуждах никакой мели близко не случится, где б корабль простреля, можно на мель опустить».

Артикул 73 гласил: «Буде же офицеры, матросы и солдаты без всякой причины допустят командира своего корабль сдать, или из линии боевой уйти без всякой причины, и ему от того не отсоветуют, или в том его не удержат, тогда офицеры казнены будут смертию, а прочие с жеребья десятый повешены».

Так что наказание и командиру «Рафаила», и офицерам с матросами грозило самое жестокое. Отправляя Николаю I постановление комиссии, адмирал Грейг от себя приписал, что «пленение “Рафаила” возбудило во всех служащих в Черноморском флоте сильное негодование и, вместе с тем, непоколебимую решимость смыть бесславие, этим несчастным событием флоту нанесенное, и что все, и каждый, имеют одно желание, чтобы неприятельский флот вышел в море и обстоятельства позволили нам с ним встретиться».

Однако Грейга со Стройниковым связывали не только служебные отношения. Дело в том, что командир «Рафаила» принадлежал к ближайшему окружению супруги Грейга Юлии, фактически руководившей многими делами Черноморского флота. Поэтому Грейг принимает решение попытаться обелить своего любимца. В письме императору он пишет: «Представляя на Высочайшее усмотрение рапорты Стройникова, Киселева и Полякова... ежели донесения эти и подтверждают, что фрегат взят без малейшего сопротивления, по крайней мере, приятно видеть, что он сдался, быв окружен совершенно Турецким флотом и

когда стихнувший ветер отнял средства уйти от неприятеля; показание командира, что многие из нижних чинов не могли быть при своих местах по причине качки, заслуживает внимания потому, что в числе 216 человек, состоявших на фрегате, было 129 рекрутов».

В заключение рапорта Грейг писал: «Осмеливаюсь всеподданнейше доложить, что весьма много есть примеров, где английские и французские суда сдавались без боя превосходному против них неприятелю и командиры их были оправданы, и если этого нельзя отнести к экипажу фрегата “Рафаил”, как не исполнившему предписанного законом, за всем тем, никакая морская держава не может считать сдачу его бесчестьем для русского флота потому, что командиры судов их, следуя законам своего отечества, не только в положении, подобном нашему фрегату, но и при несравненно меньшем превосходстве неприятеля, могли бы сдаться без обороны».

Однако из Петербурга следует окрик. Николай I не просто возмущен, а взбешен происшествием на Черноморском флоте. Поняв, что спасти Стройникова ему уже не удастся, зато он может лишиться доверия императора, адмирал Грейг сразу же меняет мнение на противоположное: «Стройникова казнить смертью...»

Вскоре после подписания мира между Петербургом и Константинополем Казарский доставляет в Николаев офицеров и команду «Рафаила». Сразу же начинается следствие, а затем и суд. Однако незадолго до начала процесса происходит неожиданное – уходит из жизни один из главных фигурантов дела. Официально было объявлено, что капитан-лейтенант Киселев умер в Сизополе до начала военного суда. По слухам, он не умер, а сам свел счеты с жизнью, понимая, что впереди у него пустота...

Из приговора военного суда: «Капитана 2-го ранга Стройникова за отступление от данной ему инструкции взятием курса вместо Трапезонда на Амасеру, что подвергло его встрече с неприятельским флотом; за несообразное с законами собирание консилиума, причем нерешительностью своею вовлек в такую же нерешительность и всех подчиненных ему офицеров, а паче молодых и неопытных; за неправильное донесение о сопротивлении нижних чинов и, что многие из них по причине качки не находились при своих местах и наконец, за сдачу фрегата без боя – казнить смертью. Офицеров за невоспрепятствование, по содержанию артикула 73, сдаче фрегата – казнить смертью. Нижних чинов, за исключением находившихся в крюйт-камерах, трюме и на кубрике, за неприятие мер, по силе того же артикула – казнить смертью по жребии десятого».

Адмирал Грейг имел на сей счет свое мнение: «Стройникова казнить смертью. Лейтенанта Броуна, как бывшего в болезненном состоянии и не имевшего бодрости духа, подобно здоровому, подвергнуть аресту с содержанием на гауптвахте. Унтер-лейтенанта Панкевича, хотя не употребившего никаких мер к исполнению закона, но предлагавшего защищать фрегат, содержать арестованным в продолжение года на гауптвахте. Мичмана Вердемана, находившегося в крюйт-камере, шкиперского помощника Цыганкова и лекаря Дорогоневского оставить свободными от наказания. Наконец, всех прочих офицеров разжаловать в рядовые с лишением дворянского достоинства».

Относительно нижних чинов мнение Грейга было следующим: «Принимая с одной стороны во внимание совершенную готовность их к защите, а с другой, привычку к слепому, почти, повиновению своим начальникам, что составляет главное достоинство дисциплины, и, чувствуя, сколь затруднительно должно быть для нижних чинов в критических обстоятельствах видеть и различить ту черту, за пределами которой они освобождаются от повиновения начальникам и делаются распорядителями их; равномерно, соображая о крайнем затруднении, в котором бы находились нижние чины, приняв на себя власть, действовать без начальства, нахожу требуемое законом (артикул 73) воспрепятствование со стороны нижних чинов сдаче фрегата, против желания начальников их, невозможным к исполнению».

Получив решение военного суда с приложением «особого» мнения адмирала Грейга, император Николай повелел: «Лейтенанта Броуна, мичмана Вердемана, лекаря Дорогоневского, шкиперского помощника Цыганкова и всех нижних чинов – простить. Стройникова, лишив чинов, орденов и дворянского достоинства, сослать в Бобруйск в арестантские роты; прочих офицеров разжаловать в рядовые до выслуги».

В ходе расследования в деле «Рафаила» вскрылась и еще одна гнусность, причем такая, равной которой в истории нашего флота уж точно не было. Авторами ее были два негодяя – командир фрегата и его старший офицер. Именно они фактически составили заговор по сдаче судна, это они давили на офицеров, не стесняясь прямых угроз, и это они, наконец, обвинили виновными в сдаче «Рафаила» своих матросов. Что ж, порой действительно бывало так, что команда выходила из повиновения своих офицеров. Так, в 1787 году после тяжелейшего поединка со всем турецким флотом и посадки на мель команда плавбатарей № 2 вышла из повиновения капитана 2-го ранга Веревкина и отказалась рубить днище. Но тогда был тяжелейший многочасовой бой, полностью расстрелянный боезапас и огромные потери. В деле же «Рафаила» не было ни того ни другого. При этом, к чести Веревкина, он нисколько не обвинял своих матросов, взяв всю вину за случившееся на себя.

По версии Стройникова, именно матросы, фактически выйдя из повиновения, заявили, что не желают взрывать фрегат, а предпочитают сдачу в плен, а потому у него просто не оставалось выбора... Ну а как же все обстояло на самом деле?

Отметим, что, несмотря на то что в команде «Рафаила» было много рекрутов, в целом она была весьма опытная. Чтобы понять это, достаточно еще раз посмотреть боевые дела фрегата в 1828–1829 годах: непрерывные крейсерства и походы, бомбардировки крепостей и высадки десантов. Поэтому даже рекруты, прибывшие на фрегат к моменту его вступления в боевой строй, на самом деле к маю 1829 года уже имели немалый боевой опыт. Да и к качке команда уже попривыкла, а потому утверждение, что матросы валялись в беспамятстве и не желали ничего делать, – очередная напраслина на матросов организаторами сдачи. Во время суда матросы «Рафаила» дали показания, которые полностью изобличали командира и старшего офицера в обмане.

На выходе из Сизополя вместо прямого курса, соответствующего цели назначения, взято было направление на Амасеру, удалявшее фрегат от прямого пути, приближавшее его, без всякой необходимости, к анатолийскому берегу и бывшее причиной встречи с турецким флотом.

Взаимное положение фрегата и турецкого флота с того времени, как он был усмотрен, до самой сдачи; составление совета, на котором положено было сражаться до последней возможности и потом взорвать фрегат; отправление парламентаров; прибытие турецких чиновников, и последовавшее по их предложению оставление командиром и офицерами фрегата – все это происходило точно так, как описано в приведенном выше рапорте Стройникова.

Показание Стройникова, что нижние чины, узнав о намерении офицеров взорвать фрегат, объявили, что сжечь его не допустят, опровергнуто единогласно офицерами, которые объявили, что никакого сопротивления, ниже воспрепятствования, ни от кого из нижних чинов не слышали, никакой перемены в их лицах не заметили и полагают, что постановление совета им было неизвестно.

Показание Стройникова, что из числа нижних чинов было много страдавших качкою, также опровергнуто единогласно; по объяснению нижних чинов, все люди были на своих местах в готовности действовать.

Перед отправлением парламентаров на турецкий адмиральский корабль офицеры были вновь созваны командиром на совет. Объяснив им о безнадежном положении фрегата, а также о несогласии команды на сожжение его, о чем донесено ему, Стройникову, капитан-лейтенантом Киселевым, командир фрегата объявил за сим, что хотя сам он готов не

щадить жизни, но для спасения 300 человек, составлявших экипаж фрегата, полагает вступить с турками в переговоры насчет сдачи, с тем чтобы команда в непродолжительном времени была возвращена в Россию. На это предложение изъявили согласие все приглашенные на совет офицеры, исключая унтер-офицера Панкевича, который полагал не отдавать фрегата без боя, но мнение этого офицера не было никем поддержано. По отправлении парламентаров по приказанию Стройникова были спущены на фрегате флаг, гюйс и вымпел и отданы фалы у марселей и брамселей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.